

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
ПРОТИВ НАПОЛЕОНА**

ВЯЧЕСЛАВ КОРОТИН

ШПАГА ИМПЕРАТОРА

Новые герои

Вячеслав Коротин

Шпага императора

«Махров»

2014

Коротин В. Ю.

Шпага императора / В. Ю. Коротин — «Махров»,
2014 — (Новые герои)

Вадим Демидов — «попаданец со шпагой» — сделал все возможное для победы русской армии над полчищами французского императора. Для этого Вадиму, спортсмену-фехтовальщику и талантливому химику, пришлось внедрить в военное дело позапрошлого столетия различные новшества — от полевых кухонь до динамита. Но враг еще не сломлен, и складывать оружие пока рано. Вожделенный мир и брак с прелестной Настенькой Соковой остаются лишь в мечтах. Ведь путь к ним лежит через решающую схватку с последним оплотом армии Наполеона Бонапарта...

© Коротин В. Ю., 2014

© Махров, 2014

Содержание

Пролог	6
Засада и спор	8
Спор и засада	12
Встречаемся с армией Багратиона	18
Новые знакомые и старый друг	24
Вот это вляпался!	33
Конец гадючьего гнезда	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вячеслав Коротин

Шпага императора

© Коротин В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Выпьем за то, чтобы нас всегда окружали хорошие люди! Говорят, что это был любимый тост фельдмаршала Паулюса. Анекдот, конечно...

Но конкретно мне в этом мире на хороших людей здорово повезло. И давно уже не хотелось в тот самый конец двадцатого века, где в России цвели и пахли «бандитские девяностые», где мне, для того чтобы набрать денег на лечение сына, пришлось пойти в гладиаторы. Да-да, именно в гладиаторы. Без всяких кавычек.

Я даже благодарен той неизвестной силе, что перенесла меня во время рыбалки в начало века девятнадцатого, всего за год до наполеоновского нашествия.

Да, и здесь тоже пришлось убивать, но не ради потехи толпы, а защищая себя и близких, защищая Родину.

А вот с самого момента «попадалова» везло просто катастрофически: помещик, семья которого приняла меня в качестве постояльца, оказался не троекуровым каким-нибудь, а честным и умным мужчиной, его очаровательная дочка Анастасия, ныне моя жена... Здесь вообще продолжать нечего – более чудесной женщины свет вообще не создавал. Все, кто в этом усомнится в моём присутствии, немедленно получают перчатку в физиономию и через некоторое время железо в организм. Всё-таки шпажная школа конца двадцатого века серьёзно превосходит оную начала девятнадцатого. Один мелкий помещик по фамилии Кнуров, посмеявшись оскорбительно отозваться о Насте, уже не владеет правой рукой – я ему на дуэли плечо поранил. Как вообще этого хмыря не убил тогда? Да нельзя было – не мог я в столицу въехать с трупом на плечах, слишком важную миссию на себя взгромоздил – внедрить в русскую армию Александра динамит, полевые кухни, санитарию и гигиену... Двинуть русскую науку...

Результаты оказались весьма неплохими: с помощью динамита и солдатской смекалки я устроил французам при переправе через Неман настоящее файер-шоу – пылали понтонные мосты, враги гибли в реке тысячами, а на противоположном берегу горели огненные буквы «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!». (На французском, естественно.) Ох, как испортилось моими стараниями настроение у «двунадесяти языков», что припёрлись в Россию.

Полевая кухня в ротах теперь святыня, солдаты крестятся, проходя мимо, – в армии её иначе как «матушкой» не зовут. В бою под Островно французы как-то опрокинули боевые порядки и погнали было наших солдат... Но тут кто-то крикнул: «Матушку» забирают!» – и бойцы, не сговариваясь, развернулись и всыпали врагам так, что только «полетели клочки по закоулочкам» у тех, кто уже собирался праздновать победу.

И опять всё благодаря хорошим людям, что попались на пути, не остались равнодушными, поверили, заинтересовались... Ничего бы не получилось без доброго доктора Бородкина, которого я увлёк исследованиями бактерий и методов их нейтрализации. Без генерала Бороздина, помогшего с внедрением «пули Минье», которая повысила как скорострельность, так и дальность стрельбы чуть ли не в разы.

Кроме диверсий на всех доступных переправах и снайперских засад, ставших возможными благодаря внедрению в армию взрывчатки и новой штуцерной пули, гордого корсиканца ждет еще немало сюрпризов. Я заранее помог подполковнику Засядько создать чуть ли не «катюши» своего времени... Уверен: эти боевые «органы» ещё исполнят свою партию. Причём в самый подходящий момент исполнят. Ой, как кисло придётся наполеоновской армии...

Хотя...

В тактике я выиграл. А вот что в стратегии? Не придет ли в голову Барклаю дать генеральное сражение прямо под Витебском или под Смоленском?

Нет! Не может быть! Слишком разумен и опытен наш военный министр.

Измотаем императора! Сделаем его!!!

Хорошие русские люди его обязательно осият...

И завтра мне с ребятами предстоит совершить очередной маленький шажок к этой цели...

Засада и спор

Вот ведь научил паразитов на свою голову: стоит перед вами хороший мост – обследуйте, убедитесь, что никаких подвохов не имеется, и дуйте своей дорогой...

Замедлители ведь минут через десять уже сработают, чего же вы там сомневаетесь?

И тем не менее даже после изучения моста французы на него не пошли, а стали наводить понтонную переправу метрах в двадцати ниже по течению.

Жутко обидно: ведь скоро долбанёт, и два десятка шашек пропадут без толку...

Только с десятком улан проскакали через стационарную переправу и направились в ближнюю разведку.

Ну, хоть эти...

Я сложил «подзорочку» и просигнализировал своей команде приготовиться...

– Гафар, – обратился я к башкиру, приданному моему «отряду специального назначения», – офицера – живём.

Пиренье молча кивнул и стал готовить свою верёвку.

Дорога здесь пролежала между холмов, и в любом случае интервенты должны были проследовать через теснину.

Ну, разумеется: опоры моста рванули, когда на нём не было ни одного француза.

Впечатление, конечно, произвело, но обидно...

Хотя значения это уже не имело – у нас был конкретный объект для работы: уланы.

С десятка вражеских конников помножить на ноль – уже неплохо.

«Пациенты», разумеется, дёрнулись на взрыв за спиной и «попали».

Тумм... – у меня над ухом загудела тетива Спиридона – лесовика, взятого в ополчение по его просьбе и вопреки занудам от воинских канцелярий.

Хороший у меня отряд – егеря тоже поняли, что пора, и шмякнули выстрелами по рядовым кавалеристам.

Офицер барахтается на земле-матушке – значит, башку не свернул – уже хорошо.

Однако «помножить на ноль» не получилось, только на «ноль три»: четверых сняли выстрелами егеря, двоих уложил из лука Спиридон, ну и офицерику спеленали...

А трое вражеских кавалеристов, видя, что попали в засаду, дали шпоры своим лошадям и выскочили из зоны поражения, прежде чем были перезаряжены штуцеры.

И тем не менее у нас имеется минимум четверть часа, чтобы спокойно и без суеты подготовиться к отходу, – вряд ли французы посмеют послать вплавь через реку сразу эскадрон, дабы наказать дерзких аборигенов. Не случайно ведь они через мост не пошли – приучили мы «гостей, что хуже татарина» всюду ожидать сюрпризов.

Мои минёры и егеря пока ловили лошадей, оставшихся без хозяев, а Гафар привёл ко мне вражеского офицера. Тот был слегка оглоушен как внезапным нападением, так и ударом о землю, но вроде оставался вменяем.

Молодой мужчина лет двадцати пяти, с усами и бакенбардами, красный мундир с синей грудью, конфедератка, правда, слетела во время путешествия из седла на дорогу...

– Проше бардзо, пан! – поприветствовал я пленного.

Ответом был недоумённый взгляд и ответ по-французски.

За год я, конечно, этот язык как следует не освоил, но то, что собеседник меня совершенно не понял, просёк. Странно: всегда считал, что в наполеоновской армии все уланы были поляками.

На всякий случай поинтересовался на предмет «Ду ю спик англиш?» и, к моей радости, получил утвердительный ответ. В дальнейшем общались на языке Шекспира:

– Кто вы?

– Лейтенант второго легкоконного полка императорской гвардии Ван Давль.

– Вы француз?

– Голландец. Как все те, кого вы сейчас убили. Убили недостойно. Из-за угла.

– Давайте не будем, лейтенант, – слегка начал злиться я, – это не я пришёл к вам в Голландию с оружием в руках, а вы пришли с войной в Россию. Зачем? Что вам тут нужно?

– Я солдат. И выполняю приказы своего начальства.

– Ну конечно. Очень достойный ответ для того, кто не хочет отвечать за свои поступки. У нас мало времени на подобные диспуты. Если не возражаете, побеседуем в пути. Лично для вас война закончилась. Я прошу дать слово офицера, что не попытаетесь сбежать по дороге.

– К сожалению, не могу удовлетворить вашу просьбу, – нахально усмехнулся голландец.

– Господин Ван Давль. – Я был уже предельно спокоен. – Мне просто не хочется связывать вам руки. И вводить в искушение. Вы в любом случае можете удрать только на тот свет. Видели, как стреляют мои люди? И вспомните, как попали в плен. Тот, кто несколько минут назад выдернул вас из седла, без труда сделает это ещё раз.

Ещё раз повторяю вопрос: предпочитаете ехать со связанными руками? Или может, вообще бежать за нашими лошадьми на верёвке? Десять секунд на размышление... Ну?

– Даю слово, – мрачно выдавил из себя лейтенант.

– Вот и ладушки! – это я уже по-русски. – Гафар! Возьмёшь повод коня, на котором поедет господин офицер.

Башкир молча кивнул.

– Так что, – обратился ко мне лейтенант, когда мы, устроившись в сёдлах, тронулись по дороге, – продолжим наш спор?

– Несколько позже, – внутренне улыбнулся я наивности пленника, – в ближайшее время предстоит передвигаться со скоростью, не способствующей спокойной беседе – ваши соотечественники наверняка попытаются догнать отряд, так что пока придётся подготовиться к разговору в седле.

– Подчиняюсь...

– Пошли! – махнул я рукой ребятам, и в ближайшие минут двадцать до нужной лесной тропы мы передвигались галопом.

Да уж: конные егеря, это ещё можно понять, к тому же скоро и в русской кавалерии появятся соответствующие полки, но минёры-кавалеристы... Сюр какой-то.

А что делать? Отряд должен быть мобильным: пришёл – увидел – навредил. И отошёл с максимальной скоростью. Чтобы дальше «строить козни».

После примерно километра продвижения по хоть и лесной, но всё-таки «человеческой» тропе, Спиридон свернул на звериную. Спешились и повели коней в поводу.

То ещё удовольствие: и паутина тебе регулярно на физиономию липнет, и мухота всякая старается за шиворот залезть со всевозможными вариантами питания и жужжания. К тому же ветки так и норовят хлестнуть по тому месту, куда липнет паутина.

Но больше всего раздражают именно членистоногие. Как там было в анекдоте: «Чрезвычайно богат животный мир Западной Сибири, здесь обитает более десяти тысяч видов животных. Одних только комаров девять тысяч видов». В Сибири я не был, но впечатление такое, что в лесах под Смоленском всевозможного гнуса не меньше. И весь он собрался именно в этом месте исключительно для знакомства со мной. Надо было в своё время на предмет репеллентов подсуетиться. Но поздно переживать на эту тему.

Клеща бы не зацепить. Хотя в это время энцефалитных особенно много в Европе быть не должно, но всё равно – очень не хочется.

Наконец открылась подходящая полянка, на которой и стали устраиваться ночевать. Подумалось: не поставить ли на всякий случай растяжку на тропе – не стал – запросто какой-нибудь лось может вляпаться, а нам лишний шум ни к чему. Не посмеют французы лес про-

чёсывать – чревато. Да и следопытов у них нет, если, конечно, кто-нибудь из местных не скурвился. Но это вряд ли.

Палаток мы не имели, но вроде бы ночь обещала быть тёплой и ясной. Солдаты разошлись, кто за дровами, кто повёл на водопой лошадей к ручью, протекавшему неподалёку, а у нас с лейтенантом появилась возможность продолжить дискуссию.

– Ну что же, господин Ван Давль. – Я опустился на расстеленный плащ и пригласил лейтенанта пристроиться рядом. – Какие претензии вы имеете к манере ведения военных действий нашими войсками?

– Я уже говорил по этому поводу: вы воюете, как бандиты, из-за угла, не принимаете открытого сражения, – кажется, он всерьёз верил в то, что говорил. Ишь – ноздри растопырил и смотрит с вызовом.

– Сударь, – поспешил я поставить на место обнаглевшего пленника, – не забывайте о своём положении и потрудитесь воздержаться от оскорблений армии, в которой я имею честь служить. А по поводу «лицом к лицу» – смешно требовать этого от противника, имея чуть ли не пятикратное превосходство в силах. Не находите?

– Это не повод действовать так, как действуете вы.

– А по-моему – очень даже повод. Кстати, я участвовал в сражении под Островно, и если вы слышали об этом бое, то должны знать, что русские могут бить ваши соединённые полчища, даже уступая в количестве батальонов.

Судя по тому, как засопел собеседник, про тот арьергардный бой он слышал.

– Это не сражение – это именно арьергардный бой. Но остальные действия ваших войск, а конкретно подчинённого вам отряда...

– Непривычны? – улыбнулся я.

– Не просто непривычны – вопиющи! Так не воюют цивилизованные армии!

– Да что вы говорите! – Я уже конкретно веселился. – А скажите, когда ваши предки воевали за свободу своей страны с испанцами, по каким правилам они уничтожили дамбы и ввели свои корабли в затопленные города?

– Это другое, – несколько смутился оппонент.

– Почему? Значит, затопить города, в которых, между прочим, находятся женщины, дети и старики, для вас вполне приемлемый способ ведения боевых действий. Держать осаду городов, где от голода, жажды и болезней будет вымирать как сам гарнизон, так и мирное население – тоже, а взрывать мосты, по которым идут напавшие на вашу родину вооружённые захватчики, или расстреливать их из засады – недостойно воинской чести. Так вы считаете?

– Я не могу ответить, – набычился лейтенант, – я солдат, а не судейский. Но чувствую, что вы не правы, несмотря на убедительность того, что прозвучало.

– Я прав, сударь. Могли уже убедиться, что с вами обращаются так, как положено с военнопленным. Но любого вооружённого иностранца на нашей земле мы будем уничтожать любыми доступными способами. Вот когда русские войска придут во Францию и Голландию, можете не сомневаться – будем искать сражения в поле...

– Господин капитан, – вытаращился на меня голландец, – вы в самом деле считаете, что Россия сможет победить Императора?

– Более чем уверен в победе России. Так же, как и в том, что Наполеон скоро перестанет быть не только правителем Европы, но и французским монархом.

– Такого не может быть никогда, – снова задрал голову голландец, словно взнузданный.

– Поживём – увидим, – не стал я вступать в бесполезный в данной ситуации спор. Кое-какие сомнения в его череп заронить удалось – тоже неплохо.

Меж тем ребята уже развели на поляне практически бездымный костерок и стали прилаживать над ним котёл. Разносолов, конечно, на ужин не ожидалось, но кашки хотя бы похлебаем.

Уже забулькала греча, когда Спиридон, расстелив небольшую скатёрку, стал нарезать хлеб и сало на находящемся неподалёку пенёке.

Только сейчас я подумал, что нужна ложка для пленника – свою ему никто не даст, а дать ему вылизывать котелок, после того как поедят остальные, или предлагать черпать кашу горстью – как-то не очень...

Пришлось, чтобы не выглядеть после совсем по-дурацки, пойти поискать подходящую щепу и вырезать из неё некоторое подобие лопатки – с нормальной ложкой не сравнить, но хоть что-то...

– Лейтенант, – обратился я к Ван Давлю, – водку пьёте?

– Пью. А вы предлагаете?

– Предлагаю. Будете?

– Вы всем пленным такое обслуживание обеспечиваете?

– Не всем. – Я оставался спокойным, несмотря на явное нахальство голландца, – пленники, которые считают, что делают одолжение, принимая пищу и питье из рук тех, кто взял их в плен, не получают ни того, ни другого.

– То есть если я не буду у вас просить еды, то и кормить меня не будут?

– Да перестаньте. Вас не будут кормить насильно и не дадут еды, если от неё откажетесь. Так есть будете?

– Благодарю.

Вот же зараза!

– «Благодарю, да» или «Благодарю, нет»?

– «Благодарю, да». Только чем и из чего? Вы ведь не поймали мою лошадь, а всё необходимое для еды осталось с ней.

– Из общего котелка. Вот этим, – протянул я лейтенанту свой «скорodel».

Скривился, конечно, но выбирать особо не приходилось. Ничего – перебьётся. Не в ресторан всё-таки пришёл.

Перекусили. Потом, тщательно продраив котелок травой и ополоснув в ручье, заварили «лесной чаёк» из листьев земляники и черники – русскому человеку хоть без какого-то чая спать не лечь.

Дежурных на ночь распределил попарно – народу хватало, так что где-то по часу на пару пришлось.

Костёр пришлось потушить, но ночи пока ещё светлые и относительно тёплые.

Конечно, спать на практически голой земле – удовольствие сильно ниже среднего. Тот же лапник под плащом – неважная замена полиуретановому коврику и спальному мешку. Однако свои четыре часа я продрых за милую душу.

Когда открыл глаза, было где-то около четырёх, и скоро предстояло поднимать лагерь. Однако пришлось устроить побудку пораньше.

Последними дежурили два моих минёра: Кречетов и Малышко. Ребята толковые (а иначе в мою команду и не попали бы), но языками чесать любят!.. Даже когда я проснулся, и то не сразу внимание обратили. Вот чёрт! Появись французы – повязали бы нас за милую душу! Так что мой разнос разгильдяям послужил заодно «будильником» для остальных.

Пока разводили костёр для утреннего, так сказать, чая, сбегал к ручью слегка освежить «морду лица» – для меня эта процедура с утра самая важная. Могу и без завтрака, и без просто кипяточка с хоть какой-нибудь растительной заваркой, но если хотя бы глаза холодной водой не протереть – полутруп на весь оставшийся день.

Спиридон достаточно быстро вывел отряд хоть и не к дороге, но к вполне «человеческой» тропе, по которой можно было передвигаться уже верхом. Правда, цепочкой по одному.

Спор и засада

– Не боитесь встретиться здесь с нашей кавалерией, господин капитан? – возобновил общение голландец, когда мы выбрались на более-менее приемлемую дорогу.

– На войне как на войне, сударь, – вопрос меня несколько не беспокоил. – А встретить ваших соотечественников на этой дороге – шансы минимальные.

– А всё-таки? – лукаво улыбнулся пленник. – Ведь я вижу, что ваши солдаты не конники – против разъезда императорской кавалерии у вас шансов нет.

– Ну почему же? Рядом лес. Лошадей придётся бросить, конечно, но в русскую чашу за нами никакие французские драгуны последовать не посмеют. А если рискнут – упокой Господи их души!

Хотя если их будет очень много, что совсем уже невероятно – мы, скорее всего, погибнем, но заберём с собой минимум четырёх французов каждый. Размен будет не в вашу пользу.

– Не думал, что русские офицеры такие искусные риторы, – усмехнулся Ван Давль.

– А чего вы ожидали? Что русские – дикари необразованные? Так чего возмущаетесь, что «дикари» воюют с вами не по вашим правилам?

– Кстати, – поспешил уйти от скользкой темы лейтенант, – я подумал над вашими аргументами и теперь знаю, что сказать в ответ.

– Любопытно.

– Да всё просто: вы приводили примеры из достаточно далёкого прошлого. Тогда и в Европе зачастую воевали по-звериному. Вы бы ещё вспомнили гладиаторские бои в древнем Риме... Но ведь человечество развивается, и нельзя сравнивать мораль людей шестнадцатого века с моралью просвещённого девятнадцатого...

Меня передёрнуло просто физически: пример про гладиаторские бои в примитивном Риме и конец третьего тысячелетия, где цивилизованные твари организовывали то же самое...

– Господин лейтенант, – через силу я благожелательно посмотрел на своего собеседника, – почему-то императорская армия в просвещённом девятнадцатом веке не стесняется действовать методами людоеда-Валленштейна.

– Что вы имеете в виду? – вскинулся голландец.

– Реквизиции у местного населения.

– Простите! – казалось, возмущению моего собеседника нет предела. – Армия императора честно платит за провизию и фураж.

– Чем платит, позвольте полюбопытствовать? Французскими деньгами или русскими?

– Этого я не знаю. Не моё дело.

– Тогда ответьте, пожалуйста: если русскими, то откуда их столько у вашего императора?

А если французскими, то куда их девать крестьянам? В русских сёлах, как бы это ни было для вас удивительно, нет банков, где их можно обменять.

Однако дело даже не в этом. Может, я вас и удивлю, но русские такая дикая нация, что не едят денег. Даже золотых, не говоря уже про ассигнации. Понимаете? Если вы выгребаете у крестьян все запасы, то им просто негде купить еды, чтобы выжить. И чем ваши орды отличаются от ландскнехтов Валленштейна?

– Господин капитан, – посуровел лейтенант, – не так давно вы мне сделали замечание, когда я неуважительно отозвался о русской армии. Теперь позволяете себе то же самое в отношении войск Императора.

А ведь уел! Надо тщательней следить за речью.

– Вы правы, господин Ван Давль. Приношу свои извинения. Перефразирую: «Чем в этом плане действия вашей армии отличаются от действий орд Валленштейна?»

– Повторяю: мы платим за продовольствие и фураж.

Во упёртый!

– Тогда и я повторю: вашими деньгами крестьяне не могут кормить ни семью, ни скот. А им нужно пережить целый год до будущего урожая. Кстати: даже для этого самого будущего урожая необходимо иметь семена, которых вы тоже не оставляете. Ваша армия обрекает этих людей на голодную смерть. Не так?

– Во-первых, через месяц-два Россия падёт под ударами нашей армии, и тогда Император достаточно быстро урегулирует данный вопрос...

– А во-вторых, – перебил я собеседника, – вы случаем не обратили внимания, что я принёс извинения по поводу того, что неуважительно высказался в отношении вашей армии. Вы же до сих пор не соизволили сделать этого после вашего вчерашнего высказывания.

– Но я действительно так считаю, – слегка смутился голландец.

– Да? Я тоже искренне считаю, что ваши войска по отношению к мирному населению ведут себя как грабители и мародёры. – Я здорово разозлился и не стеснялся в выражениях. – Однако постарался не оскорблять ваши чувства. Итак?

– Вы ждёте от меня извинений?

– Вы чрезвычайно догадливы, – мрачно процедил я сквозь зубы, стараясь смотреть ему прямо в глаза.

Подскакивая в седле, это было не так просто сделать, но я постарался хотя бы обозначить данный взгляд.

– Хорошо, прошу прощения за свою несдержанность, – чувствовалось, что искренности в этих словах ноль целых хрен десятых, но «дожимать» голландца не стал.

– Принято.

Некоторое время ехали молча, потом Ван Давль не выдержал:

– Господин капитан, согласитесь, что солдат нужно кормить, лошадей тоже.

– Вполне разделяю ваше мнение, – весело посмотрел я на собеседника, догадываясь, о чём пойдёт речь дальше.

– В нашей армии около полумиллиона человек, они должны что-то есть...

– Господин лейтенант, вы в самом деле искренне считаете, что меня, да и любого русского, беспокоят проблемы наполеоновского войска? Думаете, что я хоть сколько-нибудь расстроюсь, узнав, что гренадёру Жану или гусару Пьеру не удалось сегодня поесть? Повторяю: любой вооружённый иностранец в России для меня не человек, а враг. И я буду стараться уничтожить его любым доступным способом.

– Почему же вы не убили меня?

– Не было необходимости – вы уже не представляли опасности для моей страны.

– А зачем я вам вообще нужен живым? Разве не проще было сделать лишний выстрел?

Во тупой!

– Понимаете, – терпеливо начал я, – ни мне, ни русским вообще не нужна конкретно ваша кровь, но у нас не имелось десяти человек, владеющих верёвкой так, как этот башкир. И не беспокойтесь – я не везу вас к своей армии, чтобы изуверскими пытками вытягивать какую-то страшную военную тайну...

– Кстати, насчёт этого дикаря... – перебил меня голландец.

– Господин Ван Давль! – пришлось резко прервать его реплику. – Гафар состоит в армии Российской Империи. Потрудитесь воздержаться от оскорбительных эпитетов.

– Но разве он в военной форме? – поднял брови лейтенант.

– Это форма его полка. Пусть она и отличается от общегармейской. У вас вроде тоже мамлюки одеты не так, как все остальные. А ведь – гвардия.

– Но ведь большинству представителей Великой Армии этот факт неизвестен, и к таким, как этот азиат, будут относиться, как к обычным бандитам.

– Кого это вы называли бандитами?

– Да хотя бы тех крестьян, что нападали на наших фуражиров.

– Я вроде бы объяснил, что они просто боролись с теми, кто обрекал их семьи на смерть от голода.

– Да? А если наши войска, чтобы уберечься от удара в спину, начнут действительно просто уничтожать население и забирать весь провиант безо всякой оплаты?

– Думаю, что ни ваш император, ни его маршалы на такое никогда не пойдут: сразу же за такими действиями начнётся повальное бегство крестьян по всему планируемому маршруту вашего следования. Вместе с припасами. Вашей армии придётся наступать через «пустыню». А ваши фуражиры будут подвергаться гораздо большей опасности, чем солдаты в генеральном сражении. Начнётся дезертирство, причём в огромных масштабах: прошу не забывать, что всевозможным португальцам, швейцарцам, испанцам и пруссакам глубоко наплевать на амбиции вашего Бонапарта, да и вашим соотечественникам – голландцам, тоже. Вы его боготворите, пока он ведёт войска от победы к победе, а как только начнутся серьёзные проблемы – солдаты Великой Армии станут разбегаться.

– Вы не знаете наших солдат! – гордо вскинулся лейтенант.

– Я знаю людей, сударь. Если не покормить бойца день-два, то он наверняка начнёт задумываться: «А ради чего я терплю все эти лишения?»

– Может, русский солдат так и подумает, – не преминул «подкузьмить» меня голландец.

– Вот как раз русский так и не подумает. Тем более на своей земле, когда её топчут сапоги вооружённых иноземцев.

– Если угодно, то сапоги ваших солдат тоже топтали землю моей родины. Не так давно. Я помню.

– Было дело. Только потрудитесь вспомнить ещё и то, что воевали мои соотечественники в Голландии не с её народом, а всё с теми же французами. За независимость Нидерландов от Франции, кстати. За то, чтобы ваши шестеро подчинённых не погибли вчера на чужой и не нужной им земле.

– Мы несём России избавление от рабства! – «шлёпнул по столу последним козырем» оппонент.

– Да что вы говорите! – у меня в сознании пронёсся список иностранных доброхотов, страстно хотевших «избавить Россию от рабства». Доизбавляли, суки – вплоть до гладиаторских боёв в конце двадцатого века... Да и эпизоды из «Охоты на Пиранию», по поводу охоты на людей и возможности заниматься пытками в укромном уголке, после арены мне совершенно не казались вымыслом. – Вас кто-то об этом просил? Может, стоило сначала поинтересоваться: хочет ли русский народ вашей «благодати» на кончиках пик и штыков?

– Нам зачитывали бюллетень Императора, ему я верю.

– Очень интересно! Императору вы верите, а мне, тому, кого ваше вторжение касается непосредственно, – нет. Солдатам, которые встречают ваши войска огнём и штыками, – тоже...

– Вы офицер, они солдаты, – пожал плечами пленник, – обязаны выполнять приказ.

– Для начала: вон тот лучник, – указал я на Спиридона, – не был солдатом до начала войны, но пришёл сам и попросился в войска. Никто его не неволил. А кроме того, ваш покорный слуга тоже не профессиональный военный. Я учёный. Химик. Не из последних, прошу прощения за нескромность. В частности, почётный член Парижской Академии наук.

Если бы из чащи вышел на прогулку динозавр, вряд ли лицо моего собеседника выразило большее удивление.

– Вы учёный???

– Имею честь быть им. В прошлом году мне присвоено звание неординарного профессора Петербургской Академии. Но я временно ушёл из науки в армию, чтобы помочь России одолеть вас. Как вы думаете, почему я так поступил?

Голландцу требовалось время, чтобы переварить столь неожиданную информацию, а возможности как-то прокомментировать новость у него в ближайшее время не предвиделось: Спиридон спешил и пошёл в нашем направлении.

– Так что прощения просим, ваше благородие, скоро выйдем на дорогу поболее. Наверное, стоит разведать, что и как. Тем более что и лесок там пожиже будет.

– Понял. Спешиться! – это я уже всем. – Бери, Спиридон, Гаврилу и Гафара. Дуйте в разведку, и если чисто, то дайте знать. Ну, то есть в любом случае сообщите, можно ли выдвигаться к дороге.

В ожидании прошло около четверти часа. Наконец показался Гафар и приглашающе взмахнул рукой.

Мы быстро взлетели в сёдла и направились к «транспортной магистрали».

Однако на подъезде к «пересечению с главной» увидели минёра Гаврилу Ромова, отчаянно семафорящего руками. Ну, понятно – некая нежданочка нарисовалась.

– Обоз, ваше благородие! – вытаращив глаза, объяснял мой подчинённый. – Четыре подводы и человек двадцать кавалеристов при них.

– Точно французский?

– Не извольте сомневаться.

– На каком расстоянии отсюда?

– Так сейчас, пожалуй, около версты уже будет. Там, – пионер махнул рукой вправо по дороге, – лес скоро кончается. Ну я и разглядел... Вот – во весь опор обратно...

– Ладно, молодец, – необходимо было соображать очень быстро.

– Господин Ван Давль! Гафар! – взмахом руки я пригласил подойти обоих.

– Лейтенант, прошу вас сложить руки за спиной.

– В чём дело? – недоумённо посмотрел на меня пленный.

– Не до объяснений. Прошу выполнить мой приказ.

– Извольте, – с лёгким презрением бросил голландец.

Я кивнул башкиру, и тот, прекрасно поняв, что от него требуется, проворно спеленал запястья лейтенанта.

А дальше уже я развязал офицерский шарф у себя на поясе, соорудил нехитрый кляп из носового платка и обеспечил молчание фигуранта на длительное время.

– Прошу простить за временный дискомфорт, господин Ван Давль, но всё делается исключительно в ваших интересах – вы теперь не имеете возможности предупредить своих соотечественников и спасти их. Ваша совесть чиста.

А оказывается, глаза тоже умеют выражаться матом... Во всяком случае, мне так тогда показалось при взгляде на лицо пленного. Ну да ладно, рефлексировать некогда.

– В те кусты, – показал я Гафару, – и ноги свяжи.

Молчаливый кивок в ответ. Шикарные подчинённые эти азиаты!

Времени оставалось всего ничего, я быстро подозвал к себе отряд и поставил задачу за минуту. К сожалению, получилось не оптимально, но организовать сколь-нибудь грамотное развёртывание я категорически не успевал.

Впереди шли три пары кавалеристов. Судя по всему – драгуны: синие с жёлтым мундиры, каски, но почему-то с пиками. В упор не помню, чтобы этот вид конницы вооружался подобным образом. Но об этом после...

Авангард, согласно моим указаниям, пропустили с миром, так же, как телеги, гружённые мешками. А вот замыкающим досталось в первую очередь: сначала прочертили в воздухе свои дымные следы динамитные шашки (пять экземпляров), затем шарахнули из штуцеров егеря (минус четыре), а после этого стали исполнять «Похоронный марш» на своих тетивах Гафар со Спиридоном. К тому моменту, когда они успели снять ещё четверых, догорели, наконец, огнепроводные шнуры у динамита. Ох, и долбануло! Убило всего-то двоих французов, но осталь-

ные были контужены напрочь. Про лошадей и говорить нечего – просто взбесились. Поэтому мои пионеры из пистолетов сумели достать всего-то ещё одного, но лучники продолжали собирать свою кровавую жатву.

Шестеро «авангардистов» решили, разумеется, разобраться в случившемся. Зря. Егеря как раз успели перезарядить свои ружья...

Как ни странно, наиболее грамотно поступили не солдаты эскорта, а те, кто правил телегами: быстро прыгнув с козел, они укрылись в кустах на противоположной стороне дороги, не забыв прихватить ружья.

А уцелевший всадник не стал корчить из себя рыцаря Роланда и, оценив обстановку, быстренько развернулся да сквозанул по дороге от нас подальше.

Постепенно до меня стало доходить, как смачно мы вляпались: в течение получаса-часа сбежавший кавалерист может вернуться с подмогой. Значит, обоз потерян однозначно – за лесом равнина, и эти припадочные телеги погоня настигнет не напрягаясь. Мало того – мы не можем ни уничтожить, ни попортить это зерно или что там ещё в мешках: во-первых, нечем, а во-вторых – попробуй, сунься на дорогу, те несколько французов, что засели в кустах на противоположной стороне, запросто организуют нам «свинцовое отравление».

Даже просто спокойно уйти проблемно – позиция у нас крайне невыгодная для её оставления под прицелом противника. Не сплошной кустарник, достаточно много и открытого пространства. Атака рывком через дорогу – гарантированные потери, причём неизвестно, какие места атаковать – затаились французы. Но и сидеть, ожидая, когда к обозникам придёт подмога, тоже нельзя.

Была не была! Я собрался и, сделав глубокий вдох, рванул к соседнему кусту...

Пробежать нужно было метров десять, и рисковал я не очень сильно. Во время самого броска органы чувств отключились: я не слышал ни грохота выстрелов, ни свиста пуль. Только когда опасность миновала, до сознания докатился грохот. И тут же треск: егеря не преминули обработать огнём те два места, над которыми поднимался дым. Хотелось надеяться, что не все четыре пули ушли по одной цели. Жаль, что в меня не пальнули из всех четырёх стволов... Хотя кто знает, может в этом случае я бы уже остывал на половине дороги между кустами. Эта пуля – она такая дура.

Перезарядить ружья в положении раскорякой – потребуется не меньше минуты, но два ствола ещё смотрят в нашу сторону. Придётся рискнуть.

– По моему выстрелу – атакуем! – во весь объём лёгких проорал я.

Тут над местом своей «засидки» приподнялся Спиридон и выпустил стрелу... В Божий свет выпустил. Ай, умница!

Ещё один выстрел с той стороны. Ждать больше нельзя. Я бабахнул из пистолета, отшвырнул его в сторону и, выхватив шпагу, крикнул: «Вперёд!»

Всё-таки этот паразит-корсиканец своё дело знает: если даже его обозники обучены основам тактики...

Слева над кустом поднялся французский солдат и стал совершенно конкретно выцеливать офицера, то есть меня любимого. Пришлось немедленно задёргаться на бегу из стороны в сторону – всё-таки не патронное у супостата оружие: между нажатием на спусковой крючок и прилетевшей пулей около полусекунды...

Пляттт! Больно-то как – удар в левый бок, по-моему, что-то даже хрустнуло. Чуток правее и Фёдору или Ольге Вадимовичам пришлось бы родиться сиротами...

Никакой я не берсеркер, и продолжать бой уже не мог, но, слава Богу, мои архаровцы и сами справились: набегающие слева Кречетов и Малышко дружно разрядили в храбреца свои пистолеты – хватило, одного прикололи егеря, а третьего достал саблей по горлу Гафар, правда,

и сам успел получить штык в бедро. Четвёртый был уже готов после своего выстрела из кустов – получил по свинцовому гостинцу в голову и в шею.

Лошади, запряжённые в повозки, естественно, с самого первого взрыва показали, что они существа нервные и к вакханалии, которая бушевала здесь на протяжении последних двадцати минут, совершенно непривычны.

На данный момент на данной дороге громоздилось нечто. Назвать это нечто даже баррикадой не поворачивался язык: мешанина из стоящих и лежащих, но всё равно громко возмущающихся произошедшим лошадей, обломков повозок, мешков...

Стрелевые лошади на бой, возможно, отреагировали бы поспокойнее, но эти-то были обозными...

На такую «пробку» даже в двадцатом веке взирали бы с уважением и матом.

– Вы как, ваше благородие? – подскочил ко мне Гаврилыч.

– Жить буду, – поморщился я, – ты вот что: пойди, распеленай пленного, теперь он под твоим присмотром будет. И трогайтесь с ним потихоньку – мы догоним.

Солдат козырнул и отправился в лес.

– В сёдла, уходим! – гаркнул я остальным, и тут же пожалел, что внаглую стал так активно эксплуатировать свои лёгкие. – Малышко! Вспори пока несколько мешков – пусть хоть часть зерна не французам, а птицам достанется.

Солдат, обнажая тесак, пошёл к подводам.

Чертовски хотелось разориться ещё на пару динамитных шашек и рвануть эту кучу-малу к едреням собачьим...

Не смог отдать такого приказа. Лошадей пожалел, слюняй хренов.

Ну кто поймёт эти выверты человеческой психики? Лошади ведь тоже «оружие врага», но отдать приказ хладнокровно искалечить взрывом этих чудесных животных, которых за последние два года успел полюбить, было выше моих сил.

Причём если бы шёл бой – рука бы не дрогнула...

И эта мысль немедленно родила следующую: архихреновый из меня спецназовец – только сейчас вспомнилась азбука атаки вражеской колонны на марше. Ведь сколько я читал по поводу того, что в первую очередь нужно подбить головную и замыкающую машины противника. Будь то танки или грузовики. Или телеги, чёрт побери!

Если бы до меня это дошло перед началом боя, то без всяких рефлексий швырнул бы свой динамит под копыта лошади, запряжённой в первую телегу.

И нанесли бы мы гордым галлам значительно больший ущерб, и сами, наверное, были целее...

И так, конечно, засада удалась со счётом двадцать – ноль, но только благодаря невероятной «прухе». Рассчитывать на подобное в будущем не стоит.

Спиридон подвёл ко мне Афины, и пришлось взгромождаться в седло, маскируя матюки шипением сквозь зубы – больно-то как!

– Ваше благородие! – услышал я Малышко. – А здесь не только мука и зерно. Золото тоже везут!

Понятно: либо какой помещичий дом «обнесли», либо церковь.

– Возьми с собой что-нибудь, и хватит. Некогда!

Блиин! Как больно кричать-то!

Встречаемся с армией Багратиона

Около часа шли довольно проворно, но почувствовал себя уже совершенно хреноватенько.

Бок-то я перемотал суррогатным бинтом из своего личного «индпакета», и Гафару кусок льняного бинта отжалел, но ткань достаточно быстро пропиталась кровью и всю её не держала.

А вокруг, как назло, сплошная равнина – спрятаться негде. При всём при этом сильно не исключено, что погоня висит на плечах. В деревеньках, что пару раз попались по пути, останавливаться было крайне чревато.

Подходящая рощица попалась часа через полтора – туда и свернули. Вряд ли у французов, если они даже преследуют до сих пор, имеется «следопыт», который сможет определить, куда мы подевались – развилка по пути хватало. Вероятно, ушли, и можно будет отдышаться.

Костра не разводили и перекусили хлебом, салом и луком. Голландец от предложенного сэндвича отказался. Ну и хрен с тобой совсем – была бы честь предложена.

В отсутствие даже местной медицины пришлось просто обработать свою рану водкой и запеленать в новый бинт.

А ребро-то как минимум треснуло. А может быть, и перелом... Правда, как я слышал в предыдущей жизни, даже сломанное ребро срастется без всякого гипса – был бы покой организму. Да где ж его взять, покой этот? Сутки, если не двое до своих добираться. И это на большое везение рассчитывать надо.

Хотя – война. В самом деле что-то происходит с болевым порогом: «дома» я бы точно неделю охал на кровати после такой травмы, а сейчас... Ну да, больно, однако терпимо. Крови потерял где-то граммов двести-триста – тоже не фатально. Как-то сдавал свои пол-литра на донорском пункте – ничего, особенного дискомфорта не почувствовал. Как сейчас помню: вышел из центра по приёму, зашёл в ближайший магазинчик, купил бутылку пива с парой сосисок, и употребил всё это по дороге к троллейбусной остановке. Как бомжара какой. Видели бы меня тогда ученики...

Но никаких головокружений или слабостей точно не наблюдалось.

Как, впрочем, и сейчас. А бок, зараза, болит.

Наверное, можно на часик задержаться, отдохнуть ещё. До жути не хочется снова трястись в седле, а ведь всё равно придётся. И никуда от этого не денешься. А может, разумнее до темноты здесь задержаться? То есть до сумерек. Ночь должна быть относительно светлой...

– Ваше благородие! – появился из кустов оставленный в дозоре егерь Морозов. – Всадники на дороге.

– Много?

– Да десятка три наберётся.

– Наши или французы?

– А это извиняйте – не разобрался я.

– Ладно, пойдём. – Я поднялся и, прихватив оптику, отправился к опушке.

Даже невооружённым глазом можно было разглядеть коричневые мундиры кавалеристов, а в подзорку стало ясно видно, что это гусары. Неужели ахтырцы? Значит, Багратион на подходе к первой армии, вырвался всё-таки из ловушки, которую ему готовили.

– Бери коня, – обратился я к Морозову, – и скачи к ним. Это наши. Пусть подождут – сейчас присоединимся.

– Есть! – бодро ответил солдат и отправился выполнять приказ.

Я же вернулся к отряду и скомандовал собираться. Вроде закончились наши мыканья.

Когда мы показались из рощи, навстречу уже скакали трое однополчан легендарного Дениса Давыдова вместе с моим егерем. Вот будет смеху, если «Сам» с ними.

Всё-таки красивая форма была у кавалеристов в те времена, а у гусар особенно. Я невольно залюбовался на приближающихся всадников.

– Поручик Ахтырского гусарского полка Мокроусов, – козырнул подъехавший офицер.

– Капитан Первого пионерного Демидов, – представился я. И, предупреждая расспросы, продолжил: – Возвращаемся после атаки на переправу. А вы куда путь держите?

– Ведём разведку для седьмого корпуса.

– В таком случае вам, вероятно, пригодится и наша информация.

– Внимательно слушаю, господин капитан.

– В двадцати верстах на запад по этой дороге мы разгромили вражеских фуражиров. Но нескольким кавалеристам удалось уйти. Они наверняка уже вернулись с подмогой и, возможно, организовали погоню. Так что следовать в данном направлении дальше вашему отряду чрезвычайно рискованно.

– Хотите испугать ахтырских гусар? – удивлённо посмотрел поручик. Именно удивлённо – белый крестик в петлице не позволял подозревать меня в трусости.

– Ни в коем случае, но есть ли смысл рисковать? Ведь основная задача вашего отряда, если не ошибаюсь, разведка.

– Разумеется.

– Так у нас есть вся необходимая вам и вашему командованию информация, касающаяся этого направления. С удовольствием поделюсь ею по дороге. Если, конечно, не возражаете против такой компании по пути.

– Это меняет дело, – тут же кивнул гусар, – присоединяйтесь!

Мы повернули лошадей к дороге, но тут Мокроусов разглядел в нашей компании голландца.

– А это кто, господин капитан?

– Пленник. Лейтенант Ван Давль. Из гвардейских улан Бонапарта. Взяли его вчера при уничтожении моста через Днепр.

– Так мост уничтожен? – оживился поручик. – Вы уверены в этом?

– Мост взорван, но французы у нас на глазах наводили рядом понтонный. Так что переправа задержана, но не сорвана. Теперь неприятель к каждой реке заранее подходит с понтонным парком.

– Да, да – вся армия наслышана о геройствах ваших коллег-пионеров, – доброжелательно улыбнулся мне гусар. – Вы ведь наверняка знаете о том фейерверке на Немане, когда сожгли переправу, да ещё и огнём написали на склоне горы французам: «Добро пожаловать в Ад!»?

– Знаю, разумеется, – очень не хотелось продолжать разговор на эту тему. – Простите, господин поручик, несколько неловко в долгой совместной дороге общаться с использованием чинов... Меня зовут Вадим Фёдорович...

– Борис Алексеевич, – обозначил поклон мой собеседник, – весьма рад знакомству.

– Так куда мы теперь проследуем, Борис Алексеевич? Какие планы?

– Учитывая вашу информацию – можно возвращаться. Тем более я смотрю, вы ранены и везёте пленного офицера. Только следуем мы в штаб генерала Раевского. У вас не будет возражений?

– Ни в коем случае. Тем более, как я понимаю, армии скоро соединятся. К тому же для Второй наша информация даже важнее, чем для Барклая. Кстати, прошу принять мои поздравления всем, кто воевал под началом князя Петра Ивановича – переход блестящий! Такие марши – верх военного мастерства!

– Благодарю, Вадим Фёдорович, – расцвёл молодой офицер, – действительно, переходы были очень тяжёлыми. Нам-то, кавалеристам, ещё терпимо, но пехота маршировала так, что

просто никакого восхищения не хватит. Представляете: по этой жаре разрешили расстегнуть воротники. И все послабления... Это когда кожу с себя содрать хочется, не только мундир.

Погодка стояла действительно та ещё – жарюща адова. Ощущалась просто как «вещество». Казалось, её можно отрезать или отламывать кусками. Создавалось впечатление, будто зной имеет цвет, запах и даже массу. А форма времён Александра Благословенного не только самая красивая и эффектная, но и, пожалуй, самая неудобная за все времена существования российской армии. Благо хоть парики относительно недавно отменили...

– Вадим Фёдорович, – после непродолжительного молчания возобновил диалог поручик.

– Слушаю, Борис Алексеевич.

– Я вот думаю по поводу вашей истории с фуражерами...

– И что?

– Да не связывается как-то... Нет-нет, нисколько не сомневаюсь в правдивости ваших слов, – поспешил оговориться поручик, – но чтобы такой отряд следовал в авангарде войск, это, согласитесь, абсурдно.

Пришлось лишний раз высказать себе мысли о собственных интеллектуальных способностях. Весьма нелестные мысли: Мокроусов кругом прав – верх наглости и идиотизма посылать фуражиров впереди марширующей армии, слишком велик шанс, что их вырежет под корень кавалерия нашего арьергарда.

Единственным оправданием моей тормознутости было ранение.

– Почти наверняка, – продолжил гусар, – вы повстречали дальнюю разведку французов, которая на обратном пути решила захватить припасы во встреченных по дороге деревеньках.

– Полностью с вами согласен. К тому же, поскольку эти кавалеристы не побоялись терять время на мародёрство, можно сделать вывод, что наших войск они не встретили. То есть первая армия оторвалась уже достаточно далеко.

– Разделяю вашу точку зрения, – кивнул ахтырец. – Уверен, что когда наши армии соединятся под Смоленском, состоится, наконец, генеральное сражение, Багратион наверняка на нём настоит.

Вот мальчишка! Хотя... Ведь не только этот молодой человек – седые генералы жаждут поскорее скрестить оружие с Наполеоном, только Барклаю и ещё нескольким хватает мудрости и выдержки. Терпеть и ждать. Беречь армию и копить силы...

– Думаю, что вы ошибаетесь, Борис Алексеевич. Скорее всего, нам предстоят очередные арьергардные бои силами корпуса-другого, но вряд ли командующий пойдёт сейчас на решительный бой – у французов слишком серьёзное превосходство в силах.

– Так вы предлагаете отступать? – вскинулся поручик. – Отступать, когда иностранцы топчут нашу землю? Может быть, до Москвы? Или даже дальше?

– В конце концов, это решать не нам, – поспешил я уйти от скользкой темы – не поймёт меня собеседник. – Скажите, вам, конечно, знаком подполковник Давыдов?

– Денис Васильевич? – тут же заулыбался гусар. – Несомненно, знаком – он наш командир батальона. Вы его знаете?

– Только как прекрасного поэта. С удовольствием бы при случае познакомился.

– Это я вам обещаю – я ведь непременно по прибытии буду докладывать Денису Васильевичу о результатах разведки, а ведь вы и ваш отряд – тоже «результат».

– Буду рад, если вы представите меня своему командиру.

– Думаю, что не далее чем сегодня вечером или завтра утром. Если, конечно, французы не помешают... Простите, – теперь тему разговора поменял уже поручик, – меня терзает любопытство: у вас такой странный отряд.

– По составу?

– Ну да. Пионеры, егеря, казак-инородец и ополченец с луком к тому же. И все верхами. Никогда не встречал такого сочетания солдат.

– Вероятно, раньше такого и не было. Это моя идея. Мне и поручили её реализовать. Основа – всё-таки минёры. Мы, как я успел уже сообщить, направлялись для уничтожения моста...

– А почему бы не уничтожить его сразу после переправы нашей армии? – перебил меня гусар.

Вообще-то это непорядок – перебивать старших в чине, но я не стал одёргивать молодого человека.

– Хотелось взорвать не только мост, но и тех, кто по нему следует. Не удалось, к сожалению – бояться уже французы мостов...

Так вот – остальные, это прикрытия моей четвёрки подрывников, егеря – дальше, а лучники – когда нужно выстрелить бесшумно и не обнаружить себя. Смею вас уверить, все они великолепные стрелки. Проверено на деле. Не сочтите меня хвастуном, но за два дня наш отряд уничтожил около трёх десятков вражеских солдат.

– Из засад? – в голосе Мокроусова чувствовалось лёгкое пренебрежение.

– Из засад. А вы как хотели? – Я уже привык к такому отношению «трям-брям вояк». Что поделаешь – время такое. – Борис Алексеевич, поймите: перед нами не турки. Нам противостоит полководец, покоривший всю Европу... И у него под началом лучшая из всех армий, когда-либо существовавших в истории. Кроме нашей, конечно.

– Но мы били его войска!

Опять перебивает. Терпеть этого не могу, но в очередной раз придётся сдержаться.

– Бил батюшка Александр Васильевич, причём даже ему в поле не противостояли силы, имеющие двойное-тройное превосходство, не так ли? И воевал Суворов не на своей земле, а командуя экспедицией. Сейчас мы должны действовать булавочными уколами: терзать войска Бонапарта, наносить им мелкий, но постоянный урон, заставлять бояться каждого куста, понимаете? А когда соберём достаточно сил, когда подойдут подкрепления с Дона и других южных областей, когда Тормасов и Чичагов совершенно растерзают австрийцев, саксонцев и иже с ними – вот тогда и можно будет навязать французам решительное сражение.

– Всё равно, – засомневался гусар, – как-то это...

– Неблагородно?

– Я не это хотел сказать, но... – опять замялся ахтырец.

– Понимаю вас – непривычно. Однако мы не расстреливаем противника, как бекасов на охоте. Сами можете убедиться, что я тоже только благодаря случаю имею возможность беседовать с вами после боя.

Беседу пришлось немедленно прекратить, так как после въезда на небольшой холмик, впереди, верстах в двух, открылась деревенька.

– Елькин! Анацкий! – подозвал двух гусар поручик, мигом позабыв о нашем споре. – Ко мне!

Подъехавшие двое кавалеристов являлись просто вопиющей противоположностью друг другу: один (как потом выяснилось – Елькин) был черняв, коренаст, и даже сквозь доломан с ментиком чувствовалась огромная сила мышц этого парня, хотя качком, в представлении двадцатого века, он совершенно не выглядел. Второй, напротив, сухощавый блондин, однако внутренняя сила ощущалась и в нём.

– Поскачете в деревню, – начал ставить задачу Мокроусов, – если спокойно – просигнальте. Если там французы... Ну, сами знаете – начинайте стрелять.

Гусары молча кивнули и приготовили заранее свои мушкетоны.

Странное оружие даже для начала века девятнадцатого – мушкетон. Короткое ружьё, стреляющее дробью...

Какую ценность оно может иметь в настоящей войне? Это же не охота на уток!

А ведь может! Именно в лёгкой кавалерии может. Когда на скаку не особо прицелишься, но именно сноп летящих мелких шариков представляет из себя большую опасность, чем тяжёлая пуля – она одна-то почти наверняка не попадёт, а вот кучка свинцовых шариков, наоборот, – попадёт почти наверняка. Ну, хоть один. И пусть даже не во всадника, а в лошадь...

Ну да ладно: сейчас встречного кавалерийского боя не предвиделось, но опять же было значительно более «выгодно» пальнуть по укрывшемуся в избе или в кустах стрелку той самой дробью, а не пулей.

Хотя называть данные заряды дробовыми, тоже не совсем верно – не рябчиков ведь ею бить. Скорее можно сравнить эту «дробь» с охотничьей картечью двадцатого века. Той, которая и кабана свалить может.

Наши разведчики помчались в деревеньку галопом, а мы тронулись следом неспешным шагом – не стоять же на месте. Опасности там быть не должно, но проверить, что и как, следовало – не к теще на блины едем, война всё-таки.

Елькин с Анацким вернулись скоренько:

– Так что, ваше благородие, французов там нет, но были. Все припасы подчистую побрали, да ещё и двоих мужиков зарубили, тех, кто зерно отдавать не хотел.

– Понятно, – нахмурился Мокроусов. – Вперёд!

Отряд прибавил ходу, и уже через пару минут мы въезжали в деревню. Население знало, что входят «свои», но особого радушия на лицах крестьян не наблюдалось.

– Кто староста?! – крикнул в толпу поручик.

От основной массы деревенских отделился крепкий невысокий мужик. Комкая в руках шапку, с некоторым опасением приблизился.

– Я буду. Тимофей Рябов. Деревня Липовка, Лесли Сергею Ивановичу принадлежим.

– Что у вас тут случилось? – вступил в разговор и я.

– Вестимо что – пришли немцы эти, всё зерно, что до урожая осталось, забрали. Так-то ладно, проживём, но ведь и лошадок с телегами увели. А как нам теперь без кормилиц, барин?

Вон, Евсей с сыном попытались своего конягу отстоять, так их сразу и порубали сабельками.

– Где тела?

– Так известно где – пока у них же в избе и лежат. Ведь чего они полезли, – каким-то срывающимся голосом продолжил староста, – не считая Марфы, ещё четверо девок в семье. Им без лошади – смерть...

– Понятно. – Я спрыгнул со спины Афины. – Проводишь в избу. Господин Ван Давль! – это уже лейтенанту. – Не пройдёте со мной полюбоваться на результаты ведения военных действий вашими товарищами по оружию?

Если не пойдёт, сука, за шиворот отволоку этого «рыцаря с лифчиком прекрасной дамы на пике»...

Но нет – спешил и проследовал за мной.

Чертовски хотелось отдать три трофейных лошади крестьянам этих самых Липок, но ведь кони-то строевые, к пахоте не особо приучены, да и когда придут французы, а они придут наверняка, конфискуют лошадок за милую душу. Да ещё и очередные репрессии населению учинят...

В избе пахло, конечно, не очень – не усадьба всё-таки. Но вполне нормально для любого сельского дома, даже по меркам моего времени.

Глянув на семью, оставшуюся без мужчин, я снова начал закипать – тётка лет сорока и девицы от десяти до пятнадцати лет. Все зарёванные, разумеется.

– Ну что теперь скажете, господин лейтенант? – Тела зарубленных мужчин, хоть и были прикрыты мешковиной, но выглядели весьма «красноречиво». – Вы эту свободу русским кре-

стьянам имели в виду? Такую благодать несёт ваш просвещённый император «безграмотной» России и её народу?

Голландец угрюмо молчал.

– Я жду ответа, сударь! – честное слово, совсем не испытывал удовлетворения от того, что могу прижать оппонента к стенке ТАКИМИ аргументами. – И вы ещё посмеете осуждать русские войска за то, что они истребляют ваших убийц и грабителей всеми доступными средствами?

– Дурные люди, – наконец выдавил из себя лейтенант, – есть у каждого народа, а дурные солдаты – в каждой армии.

– Это, извините, болтовня, – прервал я его философствования, – мы не у границы. Я прошёл в арьергарде армии от Немана и не раз слышал о подобном поведении ваших войск по отношению к мирному населению.

– Клянусь честью офицера, – вспыхнул Ван Давль, – никогда отряд под моим командованием не стал бы творить подобное.

– Хотелось бы верить. Но только наши крестьяне не знают о вашей благородной душе. И теперь, после данного происшествия, любой житель этой деревни с лёгким сердцем подымет на вилы или огреет топором по голове всякого военного, который носит иностранную форму. Ладно, ступайте.

Хозяйка, когда я к ней подошёл, даже не отреагировала на приближение. Глаза её были сухи, но совершенно пусты. Наверняка никаких связных мыслей в голове этой женщины на данный момент не было. И, наверное, это правильно. Человеческая психика бережёт сознание. Если прямо сейчас эта баба поймёт, до конца поймёт, что лишилась и мужа, и сына, и лошади... Что у неё на шее четверо девок – сойдёт с ума наверняка. Пусть уж сначала похоронит своих мужчин. Думаю, что деревенские не оставят её без помощи. Хотя... Бес его знает, как тут вообще население выживать будет после визита «просвещённых европейцев».

Я достал монет рублей на пять, положил на стол и вышел. Женщина даже не повернула головы в мою сторону.

Новые знакомые и старый друг

В расположение авангарда Второй армии прибыли к вечеру. Мокроусов немедленно поспешил с докладом к Давыдову, пригласив меня с собой.

Легендарный поэт-партизан, вернее, пока ещё просто поэт, мало напоминал кинообраз, блестяще созданный Андреем Ростоцким. То есть росточка Денис Васильевич действительно был небольшого и нос имел курносый, но и лицом пошире, и усики поскромнее, чем у главного героя фильма «Эскадрон гусар летучих». В общем, внешнее сходство с привычным мне обликом весьма отдалённое.

После официального представления старшему по званию, разумеется, пришлось в очередной раз повторить рассказ о приключениях нашего отряда на протяжении двух последних дней. Подполковник внимательно выслушал и одобрил наши действия:

– Я и сам собираюсь просить разрешения с отрядом кавалеристов воевать в тылу у неприятеля, терзать его коммуникации, нападать на фуражиров и другие малые отряды. В общем, ни минуты покоя неприятелю на нашей земле. Хотя пока ещё рано – впереди генеральное сражение и каждая наша сабля должна быть там, где она нужнее всего, – на поле боя.

Эээ... Прошу простить мою невежливость, – вдруг резко сменил тему Давыдов, – слишком долго пришлось ожидать информации, доставленной вами. Меня зовут Денис Васильевич, а вас?

– Вадим Фёдорович.

– Весьма рад знакомству. Но предлагаю отметить его несколько позже – прибыл командующий армией, думаю, что стоит доложить ему всё как можно скорее. Не возражаете?

– Ни в коем случае, но разве мы можем без предупреждения заявиться к Багратиону?

– Думаю, что своего бывшего адъютанта князь примет достаточно быстро, идёмте.

Да уж: хорошо, что у меня профессиональный опыт – рассказывать одно и то же по несколько раз на дню. Оскомины этот процесс уже не набивает. К тому же изложение фактов – это не «спектакль», которым должен являться любой хороший урок. Не надо, например, изображать четыре раза перед разными классами, что «вот как раз эта мысль только что пришла мне в голову» или что «вот как раз припомнилась шутка на эту тему» – перед генералами подобным образом изгаляться не придётся.

«Ставка» Багратиона находилась в достаточно вместительной палатке. Причём в палатке «двухкомнатной»: имелась «приёмная», в которой сидел пехотный капитан с аксельбантом, очевидно, нынешний адъютант генерала, а также имелось внутреннее помещение.

Давыдов обменялся со своим преемником парой фраз и исчез за пологом.

Через пару минут пригласили и меня. Вошёл. Ёлки-палки! Генералов различного уровня, как собак нерезаных, извините за выражение. Хотя это только по первому впечатлению – видали мы и побольше в одном месте, правда, не на таком ограниченном пространстве. Узнал я только троих. Ну, то есть «двух с половиной» – насчет того казачьего не уверен. Вроде не иначе как сам «вихорь-атаман» (а кто же ещё?) должен быть, но почему-то без бороды. В общем, не уверен я, что это Платов.

Бороздин приветливо мне улыбался, однако не более – понятное дело, не в той обстановке встретились, чтобы своё знакомство окружающим демонстрировать. Потом, вероятно, пообщаемся. Если, конечно, возможность представится.

Ну а князя Петра Ивановича в любом случае узнать нетрудно: и на себя портретного весьма похож, и носом, наиболее «выдающимся» из присутствующих, обладал, да и просто, даже не самому проницательному человеку, по каким-то неуловимым нюансам, почти всегда ясно, кто в данной компании главный.

– Капитан Демидов прибыл по вашему приказанию, ваше сиятельство! – отрапортовал я.

– Подойдите, капитан, – выговор Багратиона был совершенно чистый, никакого кавказского акцента, – вкратце мы ознакомлены с доставленной вами информацией, но хотелось бы услышать её, так сказать, из первых уст, с подробностями и ответами на возникающие вопросы. Вы читаете карту?

– Так точно, ваше сиятельство.

– Оставьте титулование, не надо терять время на лишние слова в данной ситуации. И прошу извинить меня за вопрос – разумеется, инженерный офицер карту должен знать, это я просто не сразу сообразил. Итак – прошу к столу, сориентируйтесь, и мы вас слушаем.

Ну что же, поехали! Я добросовестно излагал информацию, указывая на карте, где и что происходило, а генералы внимательно слушали и пока не перебивали.

– Добро! – наконец заговорил казачий генерал. – Однако же стоит проверить всё, и поподробнее. Разрешите, ваше высокопревосходительство, мои хлопцы ещё пошукают?

– Думаю, что излишне, Николай Васильевич, – не очень-то и задумываясь, отозвался Багратион, – утром мы в любом случае продолжим марш. Но завесой из двух ваших полков движение, конечно, прикрыть следует.

Вот те раз! Николай Васильевич... Стало быть, не Платов это. Вероятно, кто-нибудь из десятка Иловайских или Грековых.

– А сейчас, – продолжил командующий армией, – прошу, господа, послушать начальника штаба графа Сен-При по поводу выбора пути нашего следования на Смоленск.

Моё присутствие явно становилось излишним, но просто развернуться и уйти я, само собой, не мог. Пришлось напомнить о своём присутствии:

– Прошу прощения, ваше сиятельство! Я могу быть свободен?

– Да, разумеется, – вспомнил о моём существовании князь. – Благодарю вас, капитан, за сведения от всей Второй армии и от себя лично.

– Пётр Иванович! – раздался голос Бороздина. – Господин Демидов заслуживает благодарности не только за это и не только от Второй армии.

Внимание всех присутствующих было немедленно обращено на командира Восьмого корпуса.

– Перед вами тот, – продолжал Михал Михалыч, – кому вся армия России обязана созданием передвижных кухонь, новых штуцерных пуль, пороха, не дающего дым, и многого другого...

Изумлённые взгляды присутствующих немедленно упёрлись в меня.

– Это правда, господин капитан? – Багратион был явно ошарашен.

«Нет, блин! Генерал-лейтенант просто поприкалываться решил!» – очень хотелось ответить мне.

– Его превосходительство несколько преувеличивает мою роль – заслуга не только моя, но в целом – да. Я действительно работал на протяжении двух последних лет над данными вопросами.

В палатке на мгновение повисла просто неописуемая тишина, и даже мухи не пролетело, чтобы её подчеркнуть. Потом Багратион, не говоря ни слова, ринулся ко мне...

А ведь особо крупным мужчиной он не был... Откуда же силища такая? Образно говоря: мои рёбра затрещали, а попросту выражаясь, левый бок взорвался адской болью. В глазах помутилось, и княжеские «Ай, молодец!», «Ай, спасибо!» слышны были уже словно через вату. Я даже и вскрикнуть не смог на протяжении всего того времени, пока генерал тискал меня со всей горячностью своего южного темперамента. Только когда колени стали подгибаться, Пётр Иванович почувствовал некоторую несообразность ситуации.

– Лекаря! Немедленно лекаря сюда!! – проревел князь, и это было последнее, что уловило моё угасающее сознание.

Когда я обрёл способность опять воспринимать окружающую действительность, в первую очередь увидел расплывчатое и незнакомое лицо.

– Как себя чувствуете, голубчик? – голос тоже слышу в первый раз. В глазах постепенно прояснилось, и «наводилась резкость». Петлицы на воротнике незнакомца были волнистыми, значит, лекарь.

Задавать дурацкие вопросы типа «Где я?» или «Что со мной?», разумеется, не стал: понятно, что если прихожу в себя в незнакомом месте и вижу медика, то это наверняка что-то вроде лазарета. А бурное выражение благодарности командующего армией и признательности за придуманные мной «ништяки» не скоро забудешь.

– Уже неплохо, – ответил я доктору, – бок побаливает, правда...

Только сейчас заметил, что лежу голым по пояс. Скосив глаза, увидел здоровенный синячище в месте, куда ударила пуля, а ссадина от неё весьма прилично воспалилась. Да уж! Прогрессор! Антисептики, твою налево!.. Сам первую же рану запустил до такого состояния – помазал разок водочкой и успокоился.

– Что же вы, батенька ко мне сразу не пожаловали? – словно угадав мои мысли, спросил доктор.

– Некогда было, служба, – постарался я замять тему...

Познакомились. Сергей Данилович Касько оказался очень приятным дядькой. Сорок лет, невысокий, не худой, с носом-пуговкой и круглыми глазами в обрамлении практически бесцветных ресниц. Голос у эскулапа был высоковат для его внешности, но это совсем не вызвало какого-то чувства дисгармонии.

Проворно обработав рану раствором карболки, Сергей Данилович не слишком туго, но надёжно запеленал мой торс в льняные бинты.

– Незнакомый запах, – решил я полюбопытствовать на предмет восприятия новшеств в полевой хирургии современными медиками. – Новое лекарство?

– Чудесное! – охотно поддержал разговор на эту тему Касько. – При неглубоких ранах и своевременной их обработке – практически стопроцентное отсутствие воспалений. Причём поступило почти перед самой войной. Это какой-то Дар Божий! Правда, многие из моих коллег относились к нему скептически, но теперь, думаю, успели оценить чудесные свойства карболовой кислоты. Так же, как разумность годичной давности циркуляра по армии о гигиене и санитарии.

– Был такой циркуляр? – врубил я «дурочку», чтобы разузнать побольше.

– А вам он разве неизвестен? – удивился лекарь. – Странно. Я ознакомил с его содержанием всех офицеров своего полка, ведь зачастую именно им легче обеспечить выполнение солдатами нехитрых требований, во много раз снижающих заболеваемость.

– Я, простите, последнее время работал в основном не с солдатами, а с минами.

– А-а-а. Тогда понятно... Так вот: при обеспечении выполнения некоторых совершенно необременительных требований можно добиться уменьшения количества заболевших как на марше, так и на квартирах в несколько раз. А это, согласитесь, немало.

– Охотно с вами соглашусь.

– Но и это ещё не всё, теперь используются средства обезболивания при операциях, вплоть до погружения в искусственный сон. Вы не представляете, какие страдания испытывали пациенты раньше в подобных случаях! – лицо доктора приобрело такое выражение, словно ему самому сейчас отпиливали какую-нибудь конечность. – Уж на что мы, медики, привычны к наблюдению человеческих страданий, но порой режешь, как будто сам себя.

– И успешно применяются средства искусственного сна? – оживился я.

– К сожалению, и эфира мало, и оперируемый зачастую не просыпается. Но уж лучше он отдаст Богу душу во сне, без этих адских страданий, чем умрёт в муках от болевого шока.

Чаще используем настойку опия, которая тоже в значительной степени уменьшает боль...

В палатку заглянул какой-то нестроевой в сером мундире и доложил, что принёс ужин. Беседу пришлось временно прервать и отдать должное пище.

Недавняя потеря сознания никак не сказалась на моём аппетите, и после нескольких дней сухомятки я с удовольствием порубал щей и ячменной каши с мясом.

Баиньки меня уложили всё-таки в лазарете. Соседями были сотник Еремеев Атаманского полка и артиллерийский майор Климук. У казака было серьёзно порублено бедро, а артиллеристу раздробило предплечье. Последний явно отвоевался и наверняка будет оставлен в каком-нибудь городе при первой возможности. Разумеется, с эвакуацией в сторону от полосы военных действий. Это если ещё без ампутации обойдётся.

Вяло познакомились, вяло побеседовали. Да и поздно уже было. Кажется, я уснул первым. Так же, как проснулся на следующее утро. Майор смачно похрапывал, но это мне совершенно не помешало выспаться. Я улыбнулся, вспомнив историю, произошедшую со мной в апреле...

Как-то, разъезжая по делам службы, пришлось заночевать у одного «бирюка». Вот этот и показал мне, что такое храп с большой буквы.

Мужиком Антип был монументальным: с меня ростом, но в два раза шире в плечах. Да и не только в плечах – «пузик» присутствовал пресолиднейший. В общем, килограммов сто пятьдесят, не меньше – типичный штангист супертяж. Странно как-то: явно сам всё хозяйство тянет, расходы энергии должны быть чудовищными. Как он умудрился такой живот наесть? Но дело не в этом.

Обычно, если я уснул, то мне совершенно фиолетов любой шум, кроме будильника. Какая бы гроза ни бушевала за окном – абсолютно по барабану. А тут вот проснулся.

Я сначала просто ничего не мог понять: в избе грохотало, рычало, свистело и шипело. Не считая банальных «хррр», «пссс» и тому подобного, хозяин дома выводил такие рулады, для описания которых просто не существует букв ни в одном алфавите мира. Кроме того, периодически вплетались звуки сморкания внутрь и наружу, сногшибательное сопение, свист и, повторяю, нечто категорически неопишное. Штук пять элементов этого храпа просто настоятельно требовали относиться к ним, как к предсмертному хрипу – любой артист отдал бы десять лет жизни, чтобы суметь воспроизвести подобные звуки, «умирая» на сцене. Диапазон метался от ультразвука до инфразвука, причём иногда он менялся мгновенно. Громкость звука также скакала совершенно неожиданно, причём вне всякой зависимости от его высоты. Периодически наступала тишина. Но только поначалу это рождало надежду, что наконец-то пытка закончилась, минут через десять таких иллюзий уже не осталось, и остановки в «ариях», наоборот, стали самым изощрённо-садистским моментом. Я лежал и ждал «продолжения банкета», судорожно пытаюсь угадать: «вот сейчас...», «сейчас...», «сейчас...».

Можно сказать, что великий «Шаляпин» исполнял какое-то великое произведение в области великого искусства храпа. На полном серьёзе считаю, что если эти звуки записать, то диски с данной какофонией в конце двадцатого века расходились бы влёт.

Короче, поспать мне удалось только два первых часа, остальные три я проворочался на лежанке, после чего не выдержал, встал, растолкал хозяина и, не позавтракав, отправился в дорогу.

Слышали ли вы настоящий ХРАП? Нет, вы не слышали настоящего ХРАПА!

Удивительная штука человеческий организм: чёрт-те что может выдержать, если ОЧЕНЬ НАДО. Если нет каких-либо фатальных повреждений, то зачастую и чувство боли отключит, и невероятные резервы найдёт, и не позволит какой-нибудь дурацкой болезни собой овладеть – некогда! Сейчас, мол, не до того.

И не подцепит солдат простуду, неделями ночуя в окопах или на голой земле, и доковыляет на повреждённой ноге до людей за десятки вёрст, и, несмотря на несколько ран, будет продолжать сражаться в бою...

Но как только до сознания дойдёт, что непосредственная опасность миновала, что уже нет необходимости держать тело в состоянии сверхнагрузок, то этот самый героический организм непременно потребует отдыха и времени для «ремонта»: «Ша, хозяин! Лежать и не рыпаться, пока не разрешу подняться!»

Именно это я и ощутил с утра: бок ныл нестерпимо, присутствовал жарок в районе тридцати восьми, и от мысли, что нужно встать, забраться в седло и тронуться в путь вместе со Второй армией, становилось дурно.

Так что затрясло меня в телеге по российским дорогам к Смоленску. Мои архаровцы, во-первых, выяснив, где я нахожусь, немедленно скучковались вокруг повозки, и ехал я с «эскортом», а во-вторых, выражаясь языком Гека Финна, позаимствовали у придорожного стога здоровенный пук сена и заменили им жестковатую и колючую солому в моём транспортном средстве, так что следовал я с относительным комфортом.

Скучища, конечно. Но и спокойно подумать время нашлось. В частности и о «размерах раздавленной бабочки». То есть о том, насколько серьёзно уже повлияло моё наглое вмешательство на мерное течение Её Величества Истории.

Вроде бы пока не особо. Несмотря на атаку неманской переправы, несмотря на новые штуцерные пули, бездымный порох, походные кухни и динамит, арьегардный бой произошёл именно под Островно. Правда, теперь его результаты весьма серьёзно отличались от тех, что случились в моём мире. Темпы наступления наполеоновской армии сбиты, хоть и ненамного. Багратион идёт на соединение с Барклаем достаточно бодро, не имея Мюрата на плечах и обогнав войска Даву. Сражение под Смоленском, само собой, состоится, но, будем надеяться, что с ещё более благоприятными для нас результатами. Да и, глядишь, пара-тройка лишних полков благодаря этому самому выигранному времени успеет к основным силам присоединиться. Уж с Дона-то наверняка.

Хотя... Не заиграла бы излишняя доблесть в не предназначенных для этого местах у наших генералов – не решились бы они на генеральное сражение прямо под стенами Смоленска... Не должны, конечно. Надеюсь, что у Барклая хватит мужества наложить вето на подобную авантюру.

Впрочем, возможна ещё более серьёзная неприятность, чем гонор российского генералитета: вот возьмёт Наполеон и отступит обратно за Неман. Вот уж тогда он нас усадит накрепко...

На обратной дороге его силы снова будут расти, и навязывать французам решительное сражение – самоубийство. А вернувшись в Европу, Бонапарт, опираясь на её промышленный потенциал, подготовится как следует и через годик вернётся. Но не повторяя прежних ошибок.

Западные костоправы уже наверняка навывокывивали новых пуль из своих раненых, и совершенно несложно разобраться в их принципе, а потом наклепать на французских и германских заводах этого добра на всю Великую Армию. Полевую кухню достаточно только увидеть, чтобы на основе этой идеи наладить их промышленное производство. Секрет полевой медицины тоже долго не удержать, так что сделают наших во «втором подходе» французы и иже с ними, ой сделают!

Ко всему вдобавок и в России настроеннице будет совсем не рекомендуемое: вона мы как самого Наполеона трям-брям раздолбали! Значит, всё здорово в нашей армии и государстве!..

Да уж! Пожалуй, действительно самое опасное для нас сейчас – если корсиканец свернёт кампанию...

Скучать в дороге особо не приходилось: и со своими бойцами общаться не гнушался, и Давыдов с Мокроусовым пару раз подъезжали поболтать – здорово заинтересовала Дениса Васильевича диверсионная деятельность моего отряда. Однажды даже Бороздин время нашёл, подъехал расспросить по поводу того, что творится на Псковщине, ну и тем, как мне воюется, поинтересовался.

Кстати, только к концу дня я обратил внимание, что ни разу не чихнул и глаза не чешутся. А ведь валяюсь на свежем сене.

В прошлой жизни поллиноз был моим проклятием почти всю жизнь – не переносил я лугов: только зайдёшь в травушку-муравушку, сразу нате вам: и чихание по двадцать раз подряд, и конъюнктивит до кучи. А если на голое тело травяной сок попадал – сразу волдыри, словно от крапивы. Меня даже в армии от выкоса позиции освобождали, правда, вместо этого отправляли какую-нибудь яму копать, чтобы без дела не сидел.

Значит, не только зубки и зрение мне эти непонятно кто, чтобы им икнулось, подремонтировали при переносе – вероятно, вообще все проблемы организма удалили.

В последнем убедился на следующее утро: бок ныл уже значительно меньше, температура спала и вообще захотелось покинуть эту опостылевшую телегу да вскочить на спину Афине, зажала уже, небось, моя голубушка...

Этим же утром с головы и хвоста походной колонны почти одновременно пришли две новости. Обе радостные: армию нагнала Двадцать Седьмая дивизия, причём, в отличие от реала, не имевшая контакта с противником. То есть можно записать в актив ещё несколько сотен штыков, которые не были потеряны в бою с Мюратом – уже неплохо.

Кроме того, наши казаки, шедшие в завесе впереди основных сил, встретили разъезды своих земляков из Первой армии, значит, Барклай уже рядом и скоро войска соединятся...

Возжелав поскорее перепрыгнуть в седло, я отправил Гаврилыча за доктором, каковой не замедлил явиться.

– Что-то случилось, Вадим Фёдорович? – обеспокоенно поинтересовался эскулап, поравнявшись с моей телегой.

– Напротив, любезный Сергей Данилович, чувствую себя превосходно и прошу вашего разрешения дальше следовать верхом.

– Вы с ума сошли! – лекарь аж покраснел от возмущения. – Решительно запрещаю вам покидать повозку! Полный покой ещё минимум два дня. И не вздумайте со мной спорить.

– Но мне действительно значительно лучше.

– Может, это и так, но, смею вас уверить, что если сейчас проедете верхом хотя бы пару-тройку вёрст, то свалитесь на месяц. Даже думать не смейте. Предупреждаю, что если не послушаетесь, то, несмотря на всё уважение, вынужден буду доложить об этом генералу. – Касько явно не на шутку рассердился.

– Но вы же меня даже не осмотрели! – попытался возмутиться я.

– И не собираюсь. Я, знаете ли, в чудеса не верю. То есть повязку на днёвке, разумеется, поменяем, но ребро ваше срастись никак не могло. Так что, хотите или нет, а побыть моим пациентом ещё несколько дней придется. И не спорьте.

Да уж, характерец у доктора тот ещё, запросто устроит мне неприятности в случае неподчинения, сразу видно. И хоть я формально подчинён непосредственно Остерману или начальнику инженеров Первой армии генералу Трузсону, но наглеть всё-таки не стоит – не «дома». Да и причины особой нет нарываться – ну потрясусь ещё денёк-другой в повозке, невелика жертва с моей стороны. Авось действительно здоровее буду. Правда, эти тряска-жара-мухи уже порядком поддоставили...

– Ваше благородие, – подъехал к телеге Спиридон, когда я пообещал Сергею Даниловичу строго следовать всем его указаниям и тот удалился, – разрешите мне с парой ваших минёров ближайший лесок разведать?

– Зачем? – не понял я. – Откуда тут неприятель возьмётся?

– Места тут знатные, – хитро прищурился лесовик, – за часок управимся. Глядишь – какой-никакой приварок к обеду обеспечим. Дозвольте!

Понятно. Язык уже просто физически ощутил вкус щей с грибами, и рот стал наполняться слюной. Но ведь нельзя, зараза!

– На сколько человек наберёте?

– Да уж всему лазарету хватит, не извольте беспокоиться.

– А что будет, когда и остальные запах учуют? Ладно, не поделитесь – понятное дело, этого и для раненых на всех не хватит. Но тогда солдаты только и будут думать на марше, как бы на десяток минут в лесок отвернуть. Не дело это, Спиридон. Отлучаться запрещаю. И не думай.

Насупился мой подчинённый, но возражать не стал и, кивнув, отъехал от повозки. Ничего, подумает – поймёт, что не дело затеял. Мужик толковый, можно сказать, мудрый. А уж следопыт и лучник такой, что и не представить: птиц свободно влёт бьёт, а следы, наверное, даже муравьиные разглядит. И ведь не старый совсем – явно сорока ещё нету...

Ничего – начнём опять своим отрядом колобродить, и грибами, и дичью себя побалуем, а пока потерпеть придётся.

На правах болящего я уже полностью расстегнул мундир, чтобы хоть немного уменьшить дискомфорт от этого изнуряющего зноя. Градусов тридцать пять, не меньше, ну и август выдался в этом году – чисто Турция. А армия пылит и пылит по российским дорогам, делая до полусотни вёрст в сутки. Да с пятикилограммовым ружьём на плече и полуторакилограммовым тесаком у пояса. Да ранец за спиной кило на десять тянет. Мундир же настоящего времени хоть и элегантен, но удобным для дальних переходов его никак не назовёшь.

Ах да! Багратион разрешил на марше расстёгивать крючки воротника и даже верхнюю пуговицу...

Железные люди русские солдаты! Верно Лермонтов писал: «Богатыри – не мы!»

Потихоньку мерное покачивание телеги меня убаюкало, и глаза стали «задраиваться», а потом уснул накрепко.

Проснулся от громового и смутно знакомого голоса:

– Вставайте, граф, вас зовут из подземелья!

Ну, разумеется: кто же ещё может здесь цитировать Остапа Ибрагимовича – протерев свои «иллюминаторы», я увидел улыбающееся лицо Серёги Горского.

Больной бок немедленно высказал своё «фе», когда меня вынесло из телеги на землю, и я поспешил предупредить друга:

– Обнимемся нежно, но без особой страсти – я тут не случайно на колёсах передвигаюсь.

– Ранен? Серьёзно? – забеспокоился Сергей.

– Ерунда, по касательной пуля прошла, но ребро, кажется, треснуло. А тебя где угораздило? – Я показал на шрам, пересекавший лицо моего товарища по нашему невероятному перемещению во времени.

– Год назад на Дунае схлопотал.

– «Геоorgia» там же получил? – показал я на белый крестик на Серёгином мундире.

– Там. А ты?

– За Неман. Не слышал про эту историю?

– Скажешь тоже! Вся армия в курсе. Я, как только про данный фейерверк узнал, сразу понял, что без тебя не обошлось.

– А какими судьбами вообще твоё благородие во Вторую армию занесло? Я, честно говоря, думал тебя под Смоленском поискать, а тут...

– Его величество случай – еду со своим отрядом и вдруг вижу в телеге знакомую физиономию...

– Слушай, давай я снова в повозку, пока Айболит наш не засёк злостное нарушение «постельного режима», а ты рядом поедешь, а? Если можешь, конечно.

– Увы и ах: «Дан приказ ему на запад...». А тебе в другую сторону... – покачал головой Горский.

– Не понял. Ты что, со своим отрядом Наполеона раздолбать собрался?

– Ну нет, – засмеялся Сергей, – так далеко мои амбиции не заходят, всё проще и банальней – поручено прошерстить окрестные храмы и вывезти православные святыни. Следуем в распоряжение местного руководителя ополчения Лесли.

– Понятненько. Чует моё сердце, что с попами у вас будет проблем поболее, чем с французами. На сколько ты ещё здесь задержаться сможешь?

– Минут на десять самое большее, и буду догонять своих.

Вот блин! Десять минут, а ведь надо столько сказать, о столько спросить... Кстати: о чём? Мысли спутались и заплясали, но ни одного вопроса, ни одного важного сообщения в голову не приходило. Вот зараза! Нельзя, что ли, предупредить было? Не нашел ничего умнее, чем брякнуть:

– Сегодня мои спецназовцы по грибы собрались, еле удержал...

– Спецназовцы? – удивлённо поднял брови Сергей.

Я быстренько рассказал о своей группе, на что мой брат по оружию промолвил только:

– Ну что же – дураки мыслят одинаково. Я ведь чем-то подобным командовал в последнее время. Казачков вам в отряд надо бы.

– Само собой. Как только оклемаюсь, буду просить у начальства.

– И вот ещё что, – неожиданно переключился на другую тему Горский, – в лес малыми группами лучше здесь не соваться. Это серьёзно.

– А что так? Договаривай уже, раз начал.

– Несколько разъездов пропало в последние дни. Один нашли. Без офицера. А гусары переколоты. Причём вилами.

– Оба-на! Вот тебе и «дубина войны народной»... Может, мужики их за французов приняли... Хотя бред – не молча же кавалеристы умирали...

– Вот именно. Что там и почему, пока непонятно, но в лес – только серьёзными отрядами.

– В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие, злые крокодилы, – услышал я собственное задумчивое бормотанье.

– Вадик! – обеспокоенно посмотрел на меня Сергей. – Даже думать не смей! Это не шутки.

– Серёж, – начал я потихоньку раздражаться, – ты что, не понимаешь, чем это чревато? С какого это перепугу русские мужики стали русских же солдат на вилы подымать? Причём даже не фуражиров и не в своём родном селе. Не допускаешь мысли, что Боня своих эмиссаров к нам в тыл заслал? А какой бублик им обещан, тоже догадаться не сложно – воля после победы французского императора. Что скажешь?

– Что ты либо здорово поглупел, либо напрочь потерял скромность, – голос Горского был совершенно спокоен. Лицо тоже.

– То есть?

– То есть ты решил, что, кроме тебя, сложить два и два в России никто не способен. И только в твою светлую голову может прийти столь «парадоксальная» версия...

Так мне и надо. Возомнил себя, понимаешь...

– Всерьёз думаешь, – беспощадно продолжал Серёга, – что меня в рейд отправили, чтобы с настоятелями всевозможных культовых учреждений воевать?

– Ладно, хватит! Сам понимаю, что дурака сваял. Мог бы, между прочим, сразу со мной пооткровенней быть.

– Проехали. Только пообещай, что задуманной минуту назад партизанщиной заниматься не будешь. Лады?

– Уговорил. Как там, кстати, насчёт наполеоновских фальшивок, о которых у тебя голова болела при прошлой нашей встрече? Удалось?

– Что знали и могли – сделали, но полную гарантию, сам понимаешь, дать не могу – может, другие люди в другом месте опять начали этим заниматься. Больно уж «вкусные» возможности это сулит... Ладно, Вадь, пора мне – ещё потеряю свой отряд. Удачи и береги себя.

– Ты тоже особо не геройствуй. До встречи!

Мы обнялись, и Серёга птицей взлетел в седло. Оборот, прощальный взмах рукой, и по дороге мерно застучали копыта его жеребца...

Вот это вляпался!

Кажется, скоро стану главным спецом по засадам на переправах во всей армии – чуть что, сразу моей группой дырку затыкают. Правда, на этот раз в бой ввязываться не придётся: на севере, за речкой Касплей, разведка обнаружила какое-то движение противника. Вот и пойми, что это – французы действительно готовят фланговый охват или это блеф, чтобы мы разбросали свои силы. Поэтому наша задача просто наблюдать броды и, в случае, если противник и на самом деле начнёт переправляться, засветить ракетой в небеса и во весь опор отходить на соединение с главными силами.

До реки вёрст тридцать с небольшим, так что часа через полтора-два должны, не особенно напрягаясь, прибыть на место.

Жара уже чуть ослабела, и ехать вполне комфортно, правда, лес справа от дороги здорово давил на психику. И дело даже не в том, что мне рассказал Горский – вообще не люблю ельник, самый мрачный из лесов, пожалуй: самый густой, тёмный и плохо проходимый. Плюс ко всему с негниющим годами буреломом, который постоянно норовит своими растопыренными, частыми и острыми ветками зацепить за одежду или снаряжение.

И хоть продвигались мы по дороге, всё равно густо стоящие ели производили гнетущее впечатление.

До речки оставалось уже совсем немного, когда едущий в авангарде Спиридон встревоженно вскрикнул и показал вперёд: из-за поворота появился весьма неуверенно держащийся на ногах человек, бредущий нам навстречу.

Дружно дали шпоры своим лошадям и через пару минут окружили раненого казака. Правый бок его куртки был в крови, и вертикальное положение донец удерживал с большим трудом. Вернее, когда мы подъехали, силы его практически оставили, колени подогнулись.

– Свои! – счастливо выдохнул раненый. – Помогите, братцы!

Мы моментально послетали с сёдел и подскочили к казаку. Пришлось приказать людям отойти, чтобы иметь свободный «доступ к телу».

– Что случилось-то? – спросил я, опускаясь перед лежащим парнем на колени.

– Не понял я, ваше благородие. Ехали впятером, вдруг из леса несколько мужиков... И сразу палить начали. Сначала мне бок ожгло, а братков до одного с сёдел поснимали – умеют стрелять, сволочи. Я попытался уйти, так умудрились мне булыгой по башке засветить... До сих пор гудит. В общем, сознание из меня вон... Когда очнулся, смотрю – все наши мёртвые лежат, а хорунжего и вовсе нету... – раненый прервался и тяжело задышал.

– Как давно это было?

– Да не знаю я, сколько провалялся. Когда очнулся, станичных осмотрел, да и побрёл по дороге. Вот вас, слава Всевышнему, встретил...

– Понятно. А где?

– Да версты две-три отсюда. Хотя мне показалось все десять.

Ясенько... Явно те, о ком Серёга говорил. А может, уже и их «вторая производная». Надо же – «булыгой засветили», неужто среди русских мужиков пращники имеются? Здравствуй, российская Фронда?

– Малышко, – обратился я к солдату, – останешься со мной, пока я этого перевяжу, а ты, Гаврилыч, с остальными слетайте к месту, посмотрите что там и как. Может, ещё кто живой остался.

– А вы как же тут?... – засомневался фельдфебель.

– Да не на каждом же шагу засады, – отмахнулся я. – Наиболее опасно как раз там, так что повнимательнее будьте. Четверти часа, вероятно, хватит, чтобы туда-обратно смотаться.

Мой подчинённый не стал спорить и махнул рукой остальным. Те повскакивали в сёдла, и уже через минуту отряд скрылся за поворотом.

Пора заняться раненым. Достав подобие индпакета, стал расстёгивать на нём полукафтан и заметил, что казак уже в полузабытии. Ну и ладно – мне же легче его бинтовать будет.

– Малышко, возьми его под мышки и приподними.

Пионер молча нагнулся и выполнил приказ.

Кровь уже подсохла и на верхней одежде, и на белье, значит, рана неглубокая...

Мой солдат вздрогнул и стал заваливаться набок. Практически одновременно с этим от леса донёсся звук близкого выстрела.

Чтобы вскочить и обернуться, хватило секунды. Возле деревьев я заметил три фигуры в сером и в облачке расплывающегося дыма.

Потянулся к пистолету, но получил удар по коленным сгибам и пребольно брякнулся спиной и затылком о дорогу. Не успев даже подумать: «Вот тебе и здравье!» – почувствовал, как на меня навалилось тело «засланного казачка», и перед лицом блеснул лезвием нож.

– Не дёргайся, благородие, коли жить хочешь!

Физиономия мерзавца была совершенно бесстрастной. Чувствовалось – в случае чего приколет и не поморщится.

Героя из себя выкомаривать смысла не было, поэтому я позволил себя перевернуть, и лжеказак крепко стянул мне запястья за спиной.

– Вставай, пошли!

Легко сказать! Попробуйте встать со связанными за спиной руками из положения «лёжа на пузе». Секунд через двадцать моих трепыханий в пыли бандит за шкурку помог мне принять вертикальное положение и подтолкнул в сторону леса:

– Шагай давай!

Мысли по дороге к опушке лезли в голову насквозь пессимистические. Одно радовало: кажется, вроде убивать не собираются, значит, какие-то шансы остаются. Слышали ли мои ребята выстрел? Вроде бы не очень далеко отъехали, но ведь свернули за лес, может, деревья звук экранируют. Могли и не услышать... Но в любом случае надежда только на них, и в первую очередь, на Спиридона.

Что-то совсем не вдохновляет пребывание в шкуре Шарапова. Правда, выбирать не приходится – моё мнение на этот счёт мало кого интересует.

В подтверждение последнего получил толчок в спину:

– Шевелись!

Ага, нервничают ребята, беспокоятся, чтобы на дороге сейчас никого не показалось. Особенно это было заметно по ожидавшим возле леса мужикам: постоянно вертели головами то в одну сторону, то в другую. Двое из них были уже в возрасте, а один явно недавно шагнул в третий десяток, даже бороды нет, только пушок на щеках. Хотя ружьё перезаряжал именно он, значит, его пуля досталась Малышко. Оставалось надеяться, что солдат только ранен...

Меня разглядывали без особого любопытства, но с лёгким недоумением, вероятно предыдущие пленённые этими гопниками офицеры поначалу громко возмущались в духе «Запорю!», «В железа закую!», «На каторге сгною!» со всевозможными вариациями.

Я молчал не из какого-то особого мужества (честно говоря, мурашки шастали по спине табунами), а просто знал о существовании этой банды и ей подобных. И о их манере действий – солдат убивать, а офицеров брать в плен. Вероятно, чтобы передать наступающим французам, когда те подойдут. Небезвозмездно, по всей вероятности.

С самого начала пути по лесу невольно «заскучал» – если сперва было хоть некоторое подобие тропинки, то после свернули в чащу и пошли сквозь откровенные буреломы. А связанные за спиной руки, превращали передвижение по такой местности в весьма малопривлекательное занятие. Речь даже не о еловых ветках, которые приходилось раздвигать собствен-

ной физиономией, – всякой дряни, о которую можно споткнуться, а после приземлиться на неё грудью или лицом, под ногами валялось в преизбыточном количестве. Как я ни разу не шмякнулся по дороге, до сих пор удивляюсь.

И мысли лезли соответствующие по оптимизму: в голове не укладывалось, что Спиридон, в случае чего, сможет найти наши следы в этой чащобе.

Но даже самое неприятное когда-нибудь кончается, потихоньку ельник начал редеть, сосны стали попадаться всё чаще и чаще, твердь под ногами превращалась уже во вполне подходящую для передвижения почву. Соответственно, и мысли занялись не только проблемой сохранения устойчивого положения, но и оценкой имеющейся ситуации.

Вопрос первый: зачем я им нужен?

Ведь Малышко-то они застрелили, хотя он им вроде бы «роднее» меня, «кровопивца-дворянина». Да и Серёга рассказывал, что в подобных случаях убивали именно солдат, а офицеров похищали (пока назовём это так). Вряд ли для того, чтобы предать особо изощрённой казни – я ведь всё-таки не их помещик, на которого они могли бы иметь большой зуб.

Тактическая военная информация этим варнакам тоже ни к чему. Самое разумное действительно предположить, что собираются они сдать нас «победоносным» французам, дабы продемонстрировать свою лояльность и в ожидании некой «морковки» в награду. В виде денег, земли, особого статуса при оккупации или ещё чего-то подобного. А может, и всего вместе. Сами до таких перспектив эти землепашцы вряд ли додумались бы, значит, в нашем тылу действуют вражеские эмиссары. Хотя бы один. Но один – не масштаб для Наполеона, наверняка этих провокаторов немало. Ладно, будем ждать новой информации...

Следующее: чем это чревато непосредственно для меня?

Не убьют. Посадят в какую-нибудь землянку или сарай к другим пленным офицерам – собственной тюрьмы у них не имеется, так что об отдельных камерах рассуждать не приходится. Хотя, возможно, и просто связанным под открытым небом оставят. В этом случае перспективы совсем тусклые. Но будем надеяться на лучшее.

В этом случае достаточно скоро меня вместе с другими передадут доблестным иноземным войскам. А тем самым жрать почти нечего, пленных кормить в последнюю очередь будут... Н-да, ситуёвина...

Но после того как мы вышли на относительно проходимую местность, мозги стали отвлекаться от проблем с форсированием еловых джунглей не только у меня. Ближайший ко мне конвоир, тот самый юноша, что стрелял, вероятно, задумался о том, что пленённый офицер ведёт себя довольно странно: молчит, не возмущается и послушно чапает в указанном направлении.

– Эй, барин, чего молчишь-то? Язык от страха проглотил?

Ну что же, попробуем разжиться какой-никакой информацией.

– А что, ты на мои вопросы отвечать будешь?

– Так смотря что спросишь.

– Тогда для начала объясни, зачем вы это делаете.

– Это тебе потом растолкуют. Моё дело маленькое...

– Ты русский вообще?

– А то как же! Нешто не видно?

– Не видно. Ты, русский, убил русского же солдата, который ничего плохого тебе не сделал. Наоборот, он воюет с врагом, который пришёл с войной в Россию. А ты, значит, этому врагу помогаешь.

– Это вам, господам, француз враг, – нервно отреагировал парень, – а простому люду он волю даст, понял?!

– И кто же тебе такую глупость пообещал? – Ну что же, значит, я не ошибся в своих предположениях.

– Кто надо, тот и пообещал, – огрызнулся разбойник, – и совсем это даже не глупость, нам бумагу от самого французского императора показывали.

Во наивняк! Как же просто облапошить некоторых...

– А ты что, по-французски читать умеешь или Бонапартий специально для вас на русском написал?

– Неграмотные мы, – слегка смутился мой конвоир, – да только тому, кто нам эту бумагу читал, верить можно. Нешто свой своих обманывать будет?

Любопытно, что это за «свой», но в лоб спрашивать не стоит...

– А не зазорно тебе будет антихристу служить?

– Какому такому антихристу? – удивлённо посмотрел на меня парень.

– А ты не знаешь, что французского императора церковь анафеме предала?

– Врёшь!..

– А ну, замолкни, капитан! – раздался из-за спины голос фальшивого казака. – Неча тут разглагольствовать. Говорить будешь, когда спросят.

Пришлось послушно заткнуться – этот явно шутить не будет, а мне здоровье ещё пригодится.

По дороге потихоньку стали попадаться берёзки и ольха, вероятно, мы приближались к водоёму. Заросли лиственных деревьев становились всё более густыми, но зато имелась вполне приличная тропинка. Кажется, мы приближались к месту стоянки бандитов. Косвенно это подтверждалось и тем, что мужики уже совершенно спокойно стали общаться между собой в голос. Не ошибся: метров пятьдесят по зарослям, и вырулили на приличных размеров поляну на берегу небольшой речушки. На месте находилось ещё пятеро. Если это все, то невелика банда. К тому же охранения нет – мы, повторяю, вышли к бивуачному костру сразу, никого не встретив на ближних подступах. Натуральные крестьяне. Даже до приличных партизан по организации не дотягивают. Хотя не мне, дураку, вляпавшемуся так глупо, рассуждать о недостатках организации службы у кого-то другого.

Значит, всего их пока девять человек. Мои ребята, разумеется, разнесли бы это осиное гнездо, не сильно напрягаясь, только залп четырёх штуцеров и двух луков отправил бы шестерых немедленно вдыхать ароматы преисподней... Но мечтать об этом совершенно несвоевременно – самому бы уцелеть...

– Принимай ещё одного офицера, старшой! – обратился «казачок» к подходившему к нам мужчине.

Вот те нате!.. На каком маленьком глобусе приходится жить!

Сначала солнце светило в глаза, и я мог видеть только надвигающийся силуэт, но когда главарь подошёл поближе, стало вполне различимо лицо господина Кнурова.

Улыбающееся лицо. Препоганенько улыбающееся.

Псковский дворянчик, естественно, не имел уже того лоска, который присутствовал при нашей предыдущей встрече – жизнь в лесу не способствует. И бородку отпустил, хоть и аккуратно подстриженную, и костюмчик уже не тот, но в целом по осанке и движениям всё равно чувствовался аристократ.

– Рад вас приветствовать в нашей скромной обители, господин Демидов! – кривая ухмылка весьма ярко проиллюстрировала его радость. Радость, не сулившую мне ничего хорошего. Да и наивно было ожидать чего-то другого от этого негодяя. Так что, судя по всему, моё беспокойство относительно тягот и лишений французского плена излишне – не доживу. Не для того мерзавец вознамерился меня похитить в Петербурге, чтобы пряниками накормить. А уж теперь, после провала той затеи...

– Не могу сказать, что рад встрече, – ответил я, – но удивлён немало.

Чёрт! А ведь голосок-то подрагивает. К вящему удовольствию моего собеседника. Всё-таки не являюсь эпическим героем, и страх за сохранность родного организма даёт о себе знать.

– А что так? – не преминул поиздеваться Кнуров. – Вот я, например, весьма рад, что наконец-то пересеклись наши пути-дорожки.

– И особенно тому, что при этом у меня связаны руки. Если бы не это, вряд ли подобная ситуация вас обрадовала. Особенно при наличии у меня шпаги и отсутствии за вашей спиной этих мужиков.

Вот оно мне надо было? На фига, спрашивается, в таком положении нарываться? Хотя и некоторый окорот всё-таки дать стоило. И искажённое ненавистью, с примесью стыда за прошлое, лицо негодяя послужило хоть каким-то утешением за оплеуху, которую я немедленно схлопотал.

– Заткнись, гадина! – прошипел этот подонок. – Смелый, да? Ничего, скоро ты будешь лизать мои сапоги, умоляя о быстрой смерти.

Сюр какой-то, честное слово. Он что, тоже из двадцатого века? Так и шпарит штампами из американских боевиков.

– Не будет тебе поединка. Я не считаю тебя равным. Умрёшь, как мразь, в грязи и крови, и я обязательно досмотрю это до самого конца.

А ведь у пациента явно психика не в порядке. Нет, я понимаю, что поводов испытывать ко мне нежные чувства у него не имеется, но чтобы опускаться до такой животной ненависти... Хотя, почему «животной»? Животные как раз убивают без ненависти и издевательств, с чисто утилитарными целями. пытки и садизм – изобретение гомо сапиенсов...

– Ну, чего молчишь-то? – кажется, этот псих начал слегка успокаиваться.

– Могу и не молчать. – Голос, к моему удивлению, перестал подрагивать. – Вопрос можно?

– Спрашивай.

– Как случилось, что русский дворянин с компанией мужиков воюет против своей родины?

– Родины? – Кнуров говорил уже практически спокойно. То есть внутреннее напряжение чувствовалось, но он очень старался сдерживать эмоции. – А нет у меня теперь родины. Та Россия, в которой я был дворянином, теперь считает меня преступником и всеми силами старается упечь на каторгу. Отец выгнал меня из дома, проклял и лишил наследства. Я вынужден скрываться по лесам в компании быдла. Мои имения и счета арестованы и отошли в казну. А из-за кого всё это произошло, знаешь?

– Догадываюсь. Считаешь, что виноват я, – попробовал тоже перейти на «ты» – вроде прошло, возмущений не последовало.

– А кто же ещё? Всё из-за тебя, сволочь! Если бы не ты... – этот ненормальный снова стал сам себя накручивать, и эмоции опять поперли из него дружными косяками. Вон – даже дыхание перехватило. Надо же так ненавидеть!

– И в чём это я виноват? – понятно, что никакой логикой этого упёртого не проймёшь, но не молчать же. – В том, что лучше владею шпагой и не дал убить себя на дуэли? В том, что не убил тебя тогда, хотя это было сделать очень легко? Что не позволил себя похитить в Петербурге твоим нукерам?

– Заткнись! – Лицо Кнурова стало наливаясь кровью. – Не пытайся заниматься словоблудием – не поможет. Если бы не ты, то я сейчас пребывал бы в своём имении, а не прятался от полиции по лесам, как затравленный зверь. Будешь спорить?

Спорить трудно. Это называется «клин». Хотя в принципе понятно – не себя же, любимого, винить в собственных несчастьях. Значительно комфортней придумать кого-то виноватого. Он явно совершенно искренне считает меня своим злым гением, злобно разрушившим спокойное и безмятежное течение столь приятной и беспроblemной жизни. Слабак. Но от этого не легче.

– Спорить не буду – бесполезно, тебя всё равно не переубедишь. Но можно ненавидеть меня, при чём здесь убитые твоими людьми солдаты? – на самом деле я прекрасно понимал зачем, однако очень уж хотелось загнать этого негодяя в угол. Хотя бы в споре. Но... Думаете, он хоть чуточку смутился? Ни разу. Даже хохотнул, презрительно глянув на задавшего такой дурацкий вопрос.

– Всерьёз думаешь, что меня волнуют жизни каких-то мужиков? Другие люди для настоящего, сильного и умного человека – лишь средство. Средство достичь своей цели. И тот же самый Бонапарт этому пример. Мне нет места в старой России. Ну что же – я постараюсь, чтобы появилась новая. И займу в ней подобающее положение.

Но временно прервём нашу беседу. Посиди пока, пофантазируй, как будешь умирать, а у меня ещё есть кое-какие дела... Гермес!

К Кнурову немедленно засеменил один из разбойников. Весьма неординарный «мушчинка». Со знаком минус. Одет он был, в отличие от остальных, не как крестьянин – засаленная венгерка, вероятно, когда-то была голубой, кроме того, кривоватые ноги обтягивали давно не стиранные лосины. Сутол и лыс. К тому же, кажется, волосы на лице у него не росли от природы – ни малейших следов щетины. Это при походном-то образе жизни. В общем, первое впечатление – взял какой-то великан-людоед это существо в рот, почувствовал мерзкий вкус и тут же выплюнул. Именно впечатление «свежевыплюнотости» производил данный экземпляр рода человеческого.

Уродец подошёл к господину (совершенно конкретно чувствовалось, что это слуга мерзавца), и тот что-то пошептал на ухо своему рабу. Именно рабу – подобострастное отношение к господину так и пёрло из каждого жеста мужичонки.

– Пока тебя постережёт Гермес, не возражаешь?

– А моё мнение учитывается?

– Нет, конечно, – ухмыльнулся Кнуров, – просто приятно лишний раз узнать, что тебе это доставит дополнительное неудовольствие.

– Твой Гермес по-русски-то понимает?

– Отчего же, конечно, понимает – Михаилом крещён. Просто с детства ко мне приставлен – вестник бога, то есть меня. Не скучай пока. – Кнуров развернулся и пошёл к костру, где уже сучковались остальные бандиты.

Я, пользуясь ситуацией, отступил к ближайшей сосне, опёрся на неё спиной и сполз вниз, на землю. Пора уже и присесть – в ногах правды нет, как говорится.

Нет, ну ведь надо же! Попасться в лапы того, кто ненавидит меня больше, чем любой другой представитель человечества – с ума сдуреть можно!

И мысли вдруг повернули в совершенно ненужном направлении: а ведь не только пользу принёс я России своим появлением в этом мире...

Ведь тот же Кнуров, не проколи я ему руку на дуэли, вполне мог быть сейчас достаточно лояльным дворянином Империи, мог даже являться на сей момент офицером Псковского ополчения и воевать против войск Макдональда...

А теперь, из-за моего появления, этот гад сблатовал банду, которая убила уже не один десяток русских солдат.

Нет, ведь это же надо! Ладно, можно не особо любить свою родину, вернее власти, которые ею управляют, но с оружием в руках помогать захватчикам...

«Патриотизм – последнее прибежище негодяя» – фраза известная и понимаемая зачастую по-разному: одни расшифровывают её как способ для мерзавца спрятаться за патриотизмом и выглядеть вполне приличным членом общества, другие – если тот самый негодяй способен любить хотя бы родину, то у него ещё есть шанс стать человеком.

Мне ближе вторая точка зрения. В том самом, страшном сорок первом, зэки-уголовники уходили добровольцами на фронт и, пройдя огонь той жуткой войны, «очистились» и верну-

лись домой другими людьми. Не все вернулись, не все «очистились» и изменились, но было немало таких, что сказали себе: «Никогда больше!»

Мои размышления потихоньку отвлекал нарастающий шум у костра. Нельзя сказать, что страсти там бушевали, но голоса общающихся бандюков звучали уже значительно громче, чем раньше. Иногда можно было разобрать даже целые фразы типа: «Не дело это!» или «Это я его взял!». Судя по всему, там решалась моя судьба, что, разумеется, заставило прислушаться повнимательней.

Но не пришлось: от основной группы отделились и направились ко мне трое: сам Кнуров, лжеказак, уже успевший переодеться в обычную крестьянскую одежду, и ещё один достаточно пожилой мужик.

Мой недруг кивком отослал Гермеса, и тот немедленно переместился метров на пятнадцать в сторону.

– Ты знаешь этого человека? – показал на мстительного поганца незнакомый мне бандит.

– Встречались. – Я всё последнее время пытался встать и, наконец, удалось принять вертикальное положение, чтобы не беседовать в состоянии снизу вверх.

– Он требует твоей смерти. Что меж вами случилось?

– Я ведь уже говорил... – попытался вклиниться Кнуров, но эта его попытка тут же была пресечена:

– Погодь! Дай и офицеру сказать.

– Ваш товарищ полтора года назад оскорбил мою невесту, и я проткнул ему руку на дуэли – можете посмотреть на его правое запястье, – сам удивляюсь, но мой голос в этот момент звучал совершенно спокойно.

– Врёт, сволочь! – сорвался чуть ли не на визг Сергей свет Аполлонович. – Это как раз он оболгал мою невесту. В результате она покончила с собой. На дуэли ему действительно повезло, и я искалечен. Но есть Бог на небесах, если привёл этого скота в мои руки. Не противьтесь воле Всевышнего!

Я так офонарел, что не смог даже по достоинству оценить актёрское мастерство мерзавца. Нет, ведь это же надо умудриться так перевернуть всё с ног на голову! Как говорится: «Слов нет – одни слюни».

А на мужиков его экспрессия впечатление произвела – очень недоброжелательно на меня поглядывать стали.

– Ложь! От первого до последнего слова ложь! – однако сам почувствовал, что звучит неубедительно.

– Вообще-то нам ваши барские дела без интереса, – заговорил тот, в ком угадывался главарь данной банды, – а за каждого пленного офицера деньги обещаны...

– Можете вычестить из моей доли его цену, – немедленноотреагировал Кнуров, – только дайте вырвать сердце из груди этого мерзавца!

Судя по всему, предложение пришлось бандитам по душе. Надо что-то делать, а то действительно зарежет меня подонок как скотину.

– Думаю, что стою значительно больше любого другого вашего пленника.

– Что, благородие, жить хочешь? – слегка презрительно ухмыльнулся атаман. – Это чем же ты дорожишь других офицеров?

– Умирать хочется так же, как любому из вас, это ты правду сказал, – не стал я разыгрывать из себя героя-партизана в фашистском плену, – тем более связанным и от руки подлеца...

Кнуров немедленно дёрнулся ко мне, но мужик остановил его скупым жестом руки.

– Ты не лись – дело говори, раз начал.

– Уверен, что вы брали в плен кавалеристов, так?

– И что?

– А то, что знают они немного. В отличие от меня. В форме разбираетесь? Понимаете, в каких войсках я служу?

– И в каких?

– В инженерах. Тех, что укрепления строят, мосты, мины закладывают и взрывают... Знаю много, и за такие знания французы заплатят щедро, поверьте.

Кажется, разбойники слегка засомневались, во всяком случае, повинаясь жесту главаря, снова отошли в сторону костра, где возобновилось обсуждение моей дальнейшей судьбы.

Вроде я сделал что мог для спасения своей шкуры. То есть, конечно, если бы имелась возможность подумать спокойно, то аргументы посерьёзней наверняка найти было можно.

Чёртов Гермес, немедленно подобрался ко мне поближе. Понятное дело – стережёт. Хотя куда я на хрен денусь «с подводной лодки»? Бегать по зарослям со связанными за спиной руками – полная безнадёга...

Совещание у костра продлилось минут пять, и его результаты оказались вполне предсказуемыми. Если провести аналогию между данным сбродом и бандой Горбатого из «Эры милосердия», то Кнуров здесь являлся неким аналогом Фокса – типа интеллигент среди быдла. То есть его слово вес всё-таки имело и ценность для этих варнаков бывший помещик кое-какую представлял.

В общем, ко мне направился он один. Причём поигрывая солдатским тесаком. Значит, приговор вынесен и обжалованию не подлежит.

– Только не изгаляйся там – ответишь. Чтобы одним ударом, – донеслось от костра.

Ай, спасибо! Не будет этот гад меня ломтями строгать, поляну кровью пачкать, и вопли не слишком долго побеспокоят слух этих чистоплюев. За мной, значит, должок: замолвить за них словечко на том свете. Сссуки!

Лицо Кнурова ничего особенного не выражало. Никакого смятения чувств, ни торжества, ни волнений – он шёл убивать. Наверное, даже для такого гадёныша воткнуть клинок в связанного человека, пускай ты его люто ненавидишь, не самая простая работёнка. Одно дело – наблюдать за казнью, и совсем другое – казнить самому. Вероятно, раньше он собирался поручить меня заботам своего упыря-слуги, но после всего наговоренного мужикам отказаться резать меня собственноручно было бы слишком противостоестественно.

Не дошёл до меня он метров пять-семь, вздрогнул, остановился, и через пару секунд рухнул ничком. Из спины Кнурова торчала стрела с красным оперением. Спиридон успел.

Конец гадючьего гнезда

Завертелось!

Трах-тах-тах – выплюнули лёгкими дымками кусты, и трое бандитов рухнули на траву, вернее, один из них упал прямо в костёр. Гермес рванулся было к хозяину, но схлопотал ещё одну стрелу и тоже брякнулся на землю.

Раздались кусты на краю поляны, и из них выскочили трое егерей. Ребята не стали тратить время на пристёгивание кортиков к ружьям, а сразу ринулись на совершенно обалдевших бандитов. Усатые физиономии моих спасителей были такими зверскими, что пришлось крикнуть:

– Хоть одного не до смерти!

Даже для кадровых военных подобное нападение явилось бы совершенно неотразимым, что же говорить о вчерашних крестьянах? Уже сами выстрелы и мгновенная гибель половины банды ударили по психике мужиков почище кувалды. Трое из оставшейся четвёрки даже не пытались потянуться к оружию. Только «казачок» дёрнулся к стоявшей у соседнего дерева пике, но его немедленно приголубил стрелой Спиридон. Он тоже вышел из зарослей и страховал ситуацию.

Разбойники посыпались как кегли под ударами солдат. Егерские штуцеры и без кортиков в данной ситуации оказались грозным оружием. Представьте себе, что вас с разбега сажают в грудь или живот стволом ружья. Переломанные рёбра или разрывы поджелудочной, селезёнки и тому подобной требухи гарантированы. И многочисленные внутренние кровоизлияния – тоже. А уж больно-то как будет!.. Так что штык или его аналог в такой ситуации совсем необязательны.

В результате какой-то интерес для нас в дальнейшем мог представлять только тот парень, что конвоировал меня по лесу – он огреб прикладом по загривку, когда собрался сбежать. Будем надеяться на его приход в сознание. Остальные двое бандитов получили в корпус так качественно, что осталось крайне мало надежд на их дальнейшее пребывание на грешной земле – явно требовалась серьёзная хирургическая помощь, каковой не существовало не только рядом, но и в данном времени вообще.

– Ох, и напугал ты нас, ваше благородие, – наконец заговорил Спиридон, разрезая верёвки на моих запястьях, – уже через версту поняли, что врёт этот казак, но чуть не опоздали...

– Где остальные? – не замедлил поинтересоваться я, растирая совершенно затёкшие кисти рук.

– У дороги остались с лошадьми и Малышко, а Гафар за подмогой поскакал...

– Как Малышко?

– Плох. В грудь навyleт ранен. Вряд ли выживет.

– Понятно. Жаль парня... А как вы нашли-то меня? Я уже был уверен, что в такой чаще никаких следов не разглядеть будет.

– Наука нехитрая. Особенно когда сызмальства в лесу живёшь. А насчёт чащи – ошибаешься. Чем гуще заросли – тем больше следов оставляешь. Отыскать эту поляну совсем нетрудно было. Что с этими делать будем? – Спиридон кивнул в сторону валявшихся на траве.

– Для начала давай посмотрим, в каком кто состоянии...

Кнурову правки не требовалось – стрела вошла точно под левую лопатку. Его верный Гермес ещё подрагивал, но было совершенно очевидно – отходит. Направились к костру.

– Спасибо, братцы, что пропасть не дали! – поблагодарил я егерей. – Как тут у вас?

– Да нешто бы мы вас в беде оставили, – бодро ответил за всех унтер Маслеев, – тем более что таких татей истреблять завсегда нужно. Так что извиняйте, коли кого в горячке слишком сильно попортили...

Кажется, действительно перестарались: двое подстреленных лежали замертво, один выл, держась за живот, лжеказаку пробило грудь стрелой насквозь – явно не жилец.

Главарь банды получил стволом штуцера в грудь, и, судя по кровавой пене на губах, сломанные рёбра проткнули лёгкие, ещё один бандит лежал скрючившись, схватившись за живот, и не подавал признаков жизни. Кажется, с «языком» нам не повезло, оставалось надеяться, что пареньку, стрелявшему в Малышко, череп прикладом не проломили, а только устроили «мозготрясение». Иначе не найти нам бандитское гнездо, не разорить его до конца и не освободить пленных офицеров.

Ладно, этого попытаемся вытащить, а вот что с остальными делать?

Во-первых, почти наверняка не выживут, а даже если переть их через лес на себе, то это обернётся просто дополнительной пыткой перед неизбежным концом. Гуманней будет приколоть варнаков здесь же. И правильной. Даже мародёров во время войны казнят без суда и следствия, а уж этих упырей... Обманутых? Да сто раз наплевать, что их обманули, – они убивали русских солдат, воюющих за Россию...

Нужно только отдать приказ и в душе егерей не шелохнётся ни возмущения, ни сомнений... Но как трудно выдавить из себя эти слова!

А вот пришлось:

– Этого приведите в себя, – кивнул я на парня, – а прочих кончайте.

И приказ был выполнен тут же. Без всякого бляенья про «христианские души» или «негоже раненых убивать».

Оставленный в живых молодчик пребывал, разумеется, в совершенно обалдевшем и невменяемом состоянии.

– Подведите его ко мне! – приказ немедленно выполнили.

Вмазать бы этому гаду по сопатке, чтобы «экстренное потрошение» прошло поэффektivней... Удержал меня отнюдь не гуманизм – как брыкнется, болезный, учитывая предыдущий удар прикладом, так и вообще ничего от него не добьёшься в обозримое время.

И так выглядел поганенько – лицо нежно-зелёного цвета и глаза в кучку никак собрать не может...

– Где содержат плененных вами офицеров и солдат? – Я постарался придать голосу как можно больше суровости.

– Только офицеров в плен брали, – выдавил из себя мужик. – А где они – мне неведомо.

– Думаю, что ты врёшь, поганец. Могу ошибаться, но это легко проверить – сейчас мои солдаты начнут твои потроха на шомпол накручивать, тварь. Думаешь, у кого-то рука дрогнет? После того как ты застрелил их товарища? Думаешь, что я тебя пожалею, сука, после того как ты согласился, что меня можно резать?! – Я старательно придавал своему голосу истерические нотки. – Да я с тебя, гадёныш, собственноручно кожу сдирать буду, пока не скажешь, где вы пленных держите! Тесак мне!

Егерский унтер, с выражением некоторого неодобрения на лице, всё-таки подал оружие, выдрав его, кстати, из мёртвой руки Кнурова.

На лице «языка» совершенно конкретно читался откровенный ужас. И «поплыл», родимый:

– Не трогайте, всё скажу!

– Давай!

– А не убьёте потом? Что мне будет за помощь? – тут же попытался торговаться «пациент».

– Жить, тварь, будешь. Но на каторге. От виселицы постараюсь тебя избавить, если офицеров спасём.

Подумалось: в штрафбат бы этого хмыря – стрелять ведь умеет... Но до такого нынешняя армия ещё не додумалась.

– Так где пленные?

– Верстах в десяти отсюда, ближе к Смоленску, я покажу дорогу, – засуетился парень. И сомлел. Просто, как в замедленной съёмке, подогнулись у него ноги, и это «туловище» медленно опустилось на траву.

Однако холодная вода, выплеснутая на лицо, достаточно скоро привела клиента в чувство.

Ну, да и ладно – пока от него требуется только ноги переставлять.

Покойников стащили в одно место и уложили рядками. Очередная проблема: хотя бы закопать или оставить зверью на поживу? И опять решение принимать мне...

К чёрту!

«Следую своим курсом!» – про этот морской сигнал, вычитал вроде тоже у Бушкова, – военный корабль не будет прекращать выполнение боевой задачи, даже ради оказания помощи морякам со своего же потопленного собрата. И это правильно: хороши бы были броненосцы, покидающие линию ради спасения тонущих с погибших в сражении кораблей... Нельзя – нужно сохранять строй и стрелять по врагу!

И нам нельзя отвлекаться на рытьё могил кортиками и голыми руками для предателей, когда не выполнена поставленная задача: наблюдать берег Каспли и подать сигнал, в случае сосредоточения там французов, надо поскорее освободить попавших в плен к бандитам офицеров, да много ещё чего надо...

– Пошли к дороге, ребята! – не очень уверенным голосом скомандовал я своим. – Этих потом закопают, если получится.

Отреагировали спокойно. Я, честно говоря, слегка беспокоился по поводу предрассудков на тему упырей, которыми становятся непохороненные злодеи, но, по всей вероятности, народ стал уже не таким суеверным.

Обратный путь был повеселей, чем моё ковыляние со связанными за спиной руками к варначьей поляне – настроение отличалось кардинально. Всё-таки наличие Кнурова, затаившего на меня злобу, даже из подсознания слегка отравляло мою жизнь в последние полтора года. Не столько за себя беспокоился, сколько за близких. Теперь этот камень с души свалился...

Заодно Спиридон «развлекал», показывая, где мы в прошлый раз веточку надломили, мох ковырнули, олений «орешек» раздавили и тому подобное. Действительно – если всё такое замечать, то можно было выйти к разбойничьей базе, как по бульвару.

Пленник пару раз отбегал потравить – значит, сотрясение мозга ему почти наверняка обеспечили. Однако никакого сочувствия лично я к этому негодяю не испытывал. Разве что беспокоился насчёт его способности вывести нас к месту, где содержат захваченных пленников.

Казалось, что прошла целая вечность с того момента, как меня уволокли с дороги в лес. На самом деле солнце совсем недавно стало склоняться в сторону заката. Когда мы вышли из чащи, ещё не было и трёх часов.

Оставшиеся у обочины солдаты вместе с Гаврилычем на ближайшем пригорке копали... Нетрудно догадаться что. Чуда не произошло – Малышко не выжил.

Пожалуй, не стоит говорить ребятам, что застрелил его тот самый парень, которого мы связанным привели с собой, – могут не сдержаться и сразу порвать гадёныша на лоскуты.

Моё появление живым и здоровым, правда, слегка подняло им настроение – на суровых лицах минёров обозначились улыбки.

А вот кто действительно не скрывал радости по поводу моего возвращения, так это Афи-нушка. Бандиты не стали утром ловить и уводить с собой лошадей – вероятно, сложновато вести лесными тропами таких крупных животных.

Поэтому моя кобыла стояла вместе с остальными, но, заметив появление хозяина, тут же вытянула морду в моём направлении и тихонько заржала.

Нет, ведь надо же, сколько преданности в этом удивительном существе! Казалось бы: много ли хорошего Афина от меня видела, кроме обычной заботы всадника о своей лошади. Ну баловал её при случае яблоками или солёной горбушкой... Зато сколько раз терзал шпорами бока, сколько раз заставлял рвать из себя жилы и выкладываться в скачке до последних сил, до хрипа в дыхании и пены на боках...

Неужели животные способны чувствовать наше к ним доброе отношение и ценить его, несмотря на страдания, которые зачастую доставляет им хозяин?

И всё-таки подождёт моя красавица, чуть позже обниму её за шею, почувствую на лице горячее дыхание и чмокну в морду. Потом.

– Здорово, братцы! – подошёл я к своим минёрам.

– Рады видеть ваше благородие! – нестройно, но от души откликнулись на приветствие подчинённые. – Не чаяли уже вас живым увидеть.

– Терпит пока Господь грехи мои, вернулся. Давно помер? – кивнул я на покойника.

– Почитай сразу, как Спиридон с егерями за вами отправились. Так в сознание и не приходил, – отозвался Гаврилыч.

– Упокой, Господи, душу раба твоего, Семёна, – перекрестился я, глядя на неживое лицо Малышко. Опустился на колени и прикоснулся губами к уже чувствительно похолодевшему лбу солдата.

Наверное, именно мне, за отсутствием священника, нужно будет прочесть соответствующую молитву над могилой... А ведь не помню ничего, кроме: «... прах к праху отойдёши...» или чего-то в этом роде... Вот уж не было печали!

– Всадники на дороге! – Спиридон отвлёк своим криком наше внимание к более актуальным событиям.

С юга, верстах в двух, действительно показался кавалерийский отряд. По всей вероятности, это как раз и была та подмога, за которой отправился Гафар. Через несколько минут стало ясно, что мы не ошиблись в своих ожиданиях – приближались ахтырские гусары. Около полусотни. А ещё через некоторое время можно было уже разглядеть нашего башкира, скачущего нога к ноге с самим Давыдовым.

– Живы, Вадим Фёдорович? – лихой подполковник соскочил с седла, когда его конь не успел ещё даже остановиться. – Чрезвычайно рад видеть вас в добром здравии!

– Здравствуйте, Денис Васильевич! Какими судьбами?

– Да вот: подсказывает этот ваш джигит и рассказывает, что отряд попал в засаду. Офицера, то есть вас, в лес уволокли... Я как фамилию услышал и в ситуации разобрался, так не стал даже у начальства отпрашиваться – отправил ординарца к Васильчикову, взял с собой полуэскадрон, и вот – имею честь позвать вам руку. Так что, обошлось?

– Не совсем – выручили мои ребята, но одного убили всё-таки. – Я вкратце поведал о своём последнем приключении.

– Ого! – на лице гусара читалось нескрываемое удивление. – Так, значит, вы уничтожили банду, которая нападала на наши разъезды?

– Не совсем, Денис Васильевич. Но, надеюсь, что перебили основную её часть. Нужно ещё как минимум освободить взятых этими мерзавцами в плен нескольких офицеров. Если я не ошибаюсь, пропал кто-то и из вашего полка, нет?

– Конечно! Поручик Светлов. Он жив?

– Очень на это надеюсь. Так вот: помочь нам может тот парень, – я показал на нашего пленника.

– Этот мужик? – Давыдов несколько скептически посмотрел в сторону нашего пленного. – О! Да он связан. Из них, что ли?

– Именно так. Единственный, кого оставили в живых, чтобы найти и окончательно разорить их гадючье гнездо. Ну и наших офицеров выручить, конечно.

Было видно невооружённым глазом, что гусар испытывает нешуточное желание собственноручно вычеркнуть из списка живущих данного раба Божьего. Или хотя бы пройти кулаками по его физиономии. Сдержался.

– Он уже сказал, где это место?

– Пока очень приблизительно, но обещал проводить сам – жить хочет, щенок.

– Что, в самом деле собираетесь его оставить в живых? – подполковник не на шутку удивился. – После того как он убивал наших солдат?

– Но мне пришлось ему это обещать. Ведь его жалкую жизнь я при этом обмениваю на жизни нескольких офицеров. Разве это не достойная цена?

– Вполне, вполне... Только что вы собираетесь делать с этим человеком после того, как он выполнит обещание? Неужели отпустите?

– Нет, конечно – прямая дорога на каторгу негодяю.

– И где же вы собираетесь найти эту каторгу? Или для него специально нужно будет выделить конвойных из действующей армии и этапировать до ближайшей тюрьмы?

– Не знаю, но слово я дал.

Кажется, потомственный дворянин меня понял. И мои проблемы тоже.

– Не позволите ли поговорить с негодяем?

– Прошу!

Давыдов полупоклоном обозначил благодарность за мою «любезность» и направился к парню, сразу определившему, что разговор с данным офицером обещает мало приятного.

– Значит, это ты моих гусар убивал? – подполковник начал общение так, как будто уже прошёл школу СМЕРШа – не пришлось бы у мальчишки потом штаны стирать...

– Худо мне, барин, не мучьте! – попытался отползти на пятой точке наш пленный.

– Сиди где сидишь! – рявкнул ахтырец, поигрывая нагайкой, что, несомненно, произвело дополнительное впечатление. – Пока служить будешь исправно – будешь жить. Где пленённые вашей бандой офицеры, знаешь?

– Знаю, барин – пять вёрст отсюда.

– Отведёшь?

– Да как Бог свят! – даже дёрнул связанными руками, чтобы перекреститься.

– Вадим Фёдорович! – обернулся ко мне Давыдов. – А не проехаться ли нам с этим варнаком? Вроде не врёт.

– У меня всё же есть задание командования – наблюдать берег Каспи и просигналить ракетой, в случае попытки французов там переправиться. Я, кстати, хотел попросить, Денис Васильевич, с десятком ваших молодцов. Очень бы помогли мне в этом деле настоящие кавалеристы – появляется возможность сходить в ближнюю разведку на тот берег.

– Какие вопросы. Вадим Фёдорович! – расплылся в улыбке поэт-партизан (вернее, пока ещё, конечно, не партизан, но я ведь знал и помнил его именно в этой ипостаси). – Бекетов!

К нам подскочил поручик, буквально «евший» обожающими глазами своего командира:

– Слушаю, Денис Васильевич!

– Я с двумя десятками наших ребят отправляюсь на выручку к Светлову...

– Он жив?! – не сдержался поручик. – Я с вами!

– погоди! – досадливо поморщился подполковник. – Ты вместе с остальными поступаешь в распоряжение господина Демидова. Все его приказы выполнять, как мои. Понятно?

Бекетову явно было понятно, но восторга такая перспектива у молодого гусара не вызывала. Для кавалериста, а тем более гусара, попасть под начало представителя инженерных войск – чуть ли не унижительно: эти, мол, инженеришки, что-то там роют, строят... А мы же ведь в атаку на пушки и штыки ходим...

– Не хмурься, Митя! – Для подполковника тоже не осталась незамеченной игра чувств на лице молодого поручика. – Подумаешь: несколько часов будешь в подчинении не у Давыдова, а у Демидова – есть о чём горевать!

– Тем более, Дмитрий... – Я сделал паузу, надеясь, что молодой человек подскажет своё отчество.

– Дмитрий Алексеевич, – хмуро буркнул поручик.

– Вадим Фёдорович. Очень приятно познакомиться.

– И мне приятно, – неискренне выдавил из себя юноша.

Был он действительно совсем молод – лет двадцать с небольшим хвостиком. Невысок, так же как его командир, но если у того усы явно были «визитной карточкой» лица, то у Бекетова – лишь слегка обозначены полоской вдоль верхней губы. В остальном... Ну, парень и парень. Я и женскую-то внешность описывать не мастер, а уж мужчин... Нос, глаза, губы, скулы... Что ещё? Цвет волос и их густота... В общем, хреновый бы из меня вышел составитель фотороботов – ни одного бы преступника по моему описанию не поймали...

Кстати: «Бекетов». Не он ли один из предков великого и забытого русского химика, что составил так называемый «Ряд активности металлов», что висит над доской в любом кабинете химии постсоветского пространства?

Но не спросишь же: это не ваш ли сын или внук станет замечательным химиком?

Тем более что идею исследований в данной области я ещё и сам упереть могу, и будет «Ряд Демидова», а не ещё кого-нибудь.

– Так вот, Дмитрий Алексеевич, – продолжил я, – очень быгодились ваши гусары для разведки противоположного берега реки. Возможно, что там собираются значительные силы противника. Задача моей группы – подать сигнал при начале переправы через Касплю, но всё-таки хотелось бы узнать о наличии там значительных сил французов заранее. Понимаете?

– Так что, Митя, не на прогулку отправляешься, – поддержал меня подполковник.

Бекетов вроде проникся важностью своей роли, и лицо его потихоньку светлело.

– Денис Васильевич, – обратился я уже к Давыдову, – осмелюсь предложить вам в помощь местного «лешего», Спиридона – знает в этих лесах каждую тропку, следопыт отменнейший. Из лука стреляет, как сам Аполлон... – Хотелось добавить про то, что может отстреливать яички у летящего комара, причём на выбор – правое или левое, но я не был уверен, что собеседники оценят столь грубую аллгорию – аристократы всё же.

– Буду вам весьма признателен, – расцвёл гусар, – а верхом он ездит?

– Не так, как ваши орлы, но вполне сносно. Можете не беспокоиться на этот счёт.

– Тогда ещё раз: спасибо! Очень пригодится нам такой проводник.

– И вам спасибо за помощь – моему отряду обещали придать несколько казаков, но пока у начальства руки до этого не дошли. А конная разведка настоящими кавалеристами в нашем деле дорогого стоит. Кстати: а как вы собираетесь перевозить языка? У него же руки связаны.

– Перевозить кого?.. – явно было брякнуто слово не совсем понятное ахтырцу.

– Языка, – поспешил пояснить я. – Пленный, от которого можно получить информацию.

Пришёл вот в голову такой термин...

– Весьма остроумно, – ухмыльнулся гусар, – и точно. Стихи не пишете, Вадим Фёдорович?

– Бывает. Но с вашими не сравнить.

– А вы и о моих слышали? – Давыдов совершенно конкретно напрашивался на комплимент.

– Конечно. К одному даже мелодию подобрал. Если следующая наша встреча состоится в более спокойной обстановке – рискну предложить вам послушать этот романс...

– Ого! Пренебреженно! Может, ваш вариант и получше моего окажется. А какой романс?

– Не будете обижаться, если я вас поинтригую на этот счёт до следующей встречи?

– Ах, так? Потерплю, конечно. Но вы обещали. Да?

– Не отказываюсь. Так что, «разбегаемся»?

– Странно вы говорите, Вадим Фёдорович. Непривычно, но понятно...

– А можно сказать: «экстрактно»? Коротко и по сути дела.

– Пожалуй, да. По-военному. – Давыдов задумался не более чем на секунду. – Значит, с меня три десятка гусар во главе с Митей, а с вас «язык», как вы его весьма метко назвали, и проводник. Обмен вполне достойный. А насчёт перевозки вашего бандита не беспокойтесь – руки ему развяжем, верхом посадим. А удрать от моих гусаров ни одному крестьянину не удавалось и не удастся. Его, в случае чего, даже саблём рубить не будут – догонят и кулаком в ухо...

– Понятно. То есть за вас можно не беспокоиться. Только не будете ли любезны выполнить ещё одну мою просьбу?

– Слушаю.

– Отправьте отряд господина Бекетова к реке заранее. Сами. Нам ведь ещё своего боевого товарища похоронить надо...

– Всё понял! – Давыдов отправился к поручику и, судя по всему, весьма недвусмысленно поставил тому боевую задачу.

Честно говоря, меня волновало отнюдь не наблюдение берегов Каспи – я хоть и вполне прилично передвигался на спине Афины, но...

Не случайно Пётр Великий в своё время издал указ на тему: пехотным офицерам в расположение частей кавалерийских верхом не являться, ибо своей посадкой, как собака на заборе, они только смех и презрение у нижних чинов кавалерии вызвать могут... Ну что-то в этом духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.